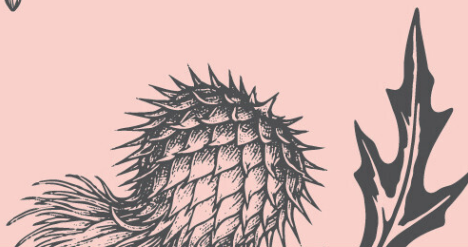
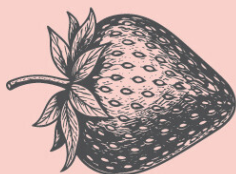
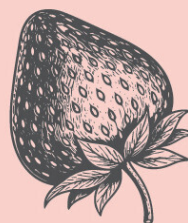
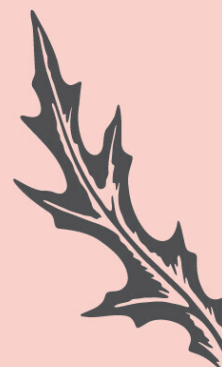
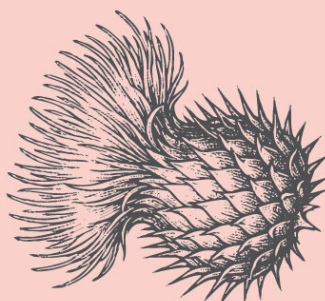
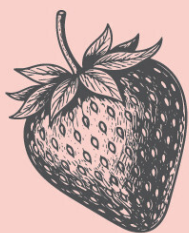
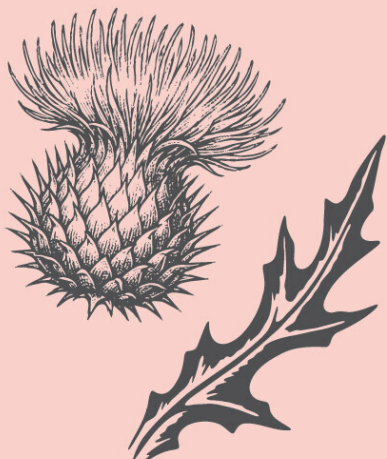
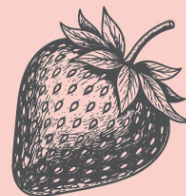
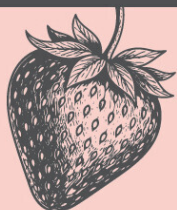

ЭДИТ УОРТОН

Старый Нью-Йорк

Магистраль. Главный тренд

Эдит Уортон
Старый Нью-Йорк

«ЭКСМО»

1924

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уортон Э.

Старый Нью-Йорк / Э. Уортон — «Эксмо», 1924 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-245288-8

«Старый Нью-Йорк» (Old New York, 1924) Эдит Уортон – цикл из четырёх новелл-приквелов к другому роману автора – «Эпохе невинности», раскрывающих нравы элиты Нью-Йорка 1840–1870 гг. Уортон мастерски препарирует социальные условности высшего света, где традиции и статус диктуют каждый шаг. Читатель встретит знакомых персонажей по «Эпохе невинности»: влиятельную миссис Мэнсон Минготт, сплетника Силлертон Джексона и аристократа Генри ван дер Лайдена. Главные герои данных новелл совершают поступки из любви, но общество отвергает их за отклонения от их принятой парадигмы поведения. Несбывшиеся надежды: юноша Льюис Рейси тратит наследство на картины итальянского Возрождения по совету Рёскина. Отец лишает его всего, но спустя полвека полотна приносят состояние. Старая дева: Шарлотта рождает внебрачного ребёнка от бывшего ухажёра кухни Делии. В силу обстоятельств Шарлотта не может воспитывать девочку, поэтому Делия удочеряет девочку. Искра: рассказчик восхищается другом Хейли Делейном, чьи моральные порывы – наследие встречи с Уитменом на войне. Правда, тогда Делейн не знал, кто он такой, и когда рассказчик случайно помогает ему разгадать загадку и знакомит его с некоторыми стихотворениями Уитмена, Делейн испытывает разочарование, считая новые формы поэзии чепухой. День Нового года: Лиззи Хейзелдин продаёт любовь Генри Присту, чтобы содержать больного мужа. После его смерти она остаётся отверженной обществом, верной его памяти до конца дней. Много лет спустя рассказчик знакомится со стареющей Лиззи, которая ведёт жизнь дамы полусвета, отвергнутая обществом, но при этом хранит верность образу мужа и никого к себе не допускает.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-245288-8

© Уортон Э., 1924

© Эксмо, 1924

Содержание

Несбывшиеся надежды	9
Часть I	9
Глава I	9
Глава II	14
Глава III	16
Часть II	21
Глава IV	21
Глава V	23
Глава VI	26
Глава VII	29
Глава VIII	32
Глава IX	35
Старая дева	39
Часть I	39
Глава I	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдит Уортон Старый Нью-Йорк

Edith Wharton
OLD NEW YORK
1924

© Мухаметзянова М., перевод на русский язык, 2025

© Харитонова С., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2026

* * *

> МАГИСТРАЛЬ >

ЭДИТ УОРТОН

Старый Нью-Йорк

Москва

Несбывшиеся надежды (сороковые)

Часть I

Глава I

Знойный июльский день полнился ароматами сена, вербены и резеды. Крупные багровые клубничины в обрамлении листиков мяты парили над столом в большой бледно-желтой полусфере старинной георгианской чаши; ее фасетчатые бока с гербом Рейси между львиными головами играли на солнце причудливыми отражениями. Время от времени, заслышав грозное гудение, джентльмены хлопали себя по щекам, лбам и лысым макушкам, однако делали это украдкой, поскольку Холстон Рейси, на чьей веранде сидело общество, не желал признавать, что в Хай-Пойнт есть комары.

Клубника выросла в саду мистера Рейси, чаша досталась ему от прадеда (отца того Рейси, что подписывал Декларацию независимости), а веранда была частью загородной виллы, стоявшей на возвышенности над проливом Лонг-Айленд, в удобной близости к городскому дому мистера Рейси на Канал-стрит.

– Еще стаканчик, Коммодор? – Мистер Рейси встряхнул батистовый платок размером со скатерть и приложил уголок к мокрому лбу.

Мистер Джеймсон Леджли с улыбкой хлопнул очередной бокал. В юности он служил во флоте и еще курсантом под командованием адмирала Портера участвовал в войне тысяча восемьсот двенадцатого года, чем и заслужил свое прозвание. Этот веселый загорелый холостяк с лицом бронзового идола, каких сам он наверняка привозил немало из плаваний, и по сию пору выглядел бравым моряком, хотя давно уже вышел в отставку. Белоснежные парусиновые брюки, фуражка с золотыми галунами, сверкающие зубы – вылитый капитан фрегата. Впрочем, на дружескую пирушку он приплыл всего лишь с Лонг-Айленда, и его изящный белый шлюп теперь стоял в бухте за мысом.

Перед домом мистера Рейси раскинулась его гордость – спускающаяся прямо к воде лужайка. Дважды в месяц здесь косили траву, а по весне лужайку утаптывала старая белая лошадь, специально подкованная для этой цели. Под верандой были разбиты три круглых клумбы с розовой геранью, гелиотропами и бенгальскими розами; их миссис Рейси обрабатывала, надев перчатки с длинными раструбами и укрывшись от солнца под небольшим навесом, который раскладывался при помощи резной ручки из слоновой кости. Дом, перестроенный и расширенный мистером Рейси после женитьбы, поучаствовал в Войне за независимость – в нем располагался штаб Бенедикта Арнольда. В кабинете хозяина висела литография тех времен, но теперь никто не разглядел бы скромные очертания того колониального коттеджа в новом величественном сооружении, которое Даунинг в своей «Ландшафтной архитектуре Америки» безапелляционно назвал «тосканской виллой»: крашенные под цвет камня шпунтовые доски, угловая башенка, высокие узкие окна, веранда на столбах с каннелюрами. Между самими зданиями была такая же разница, как между грубой литографией с изображением старого дома и великолепной гравюрой на стали его преемника (с «превосходным экземпляром» плакучего бука на лужайке). У мистера Рейси имелись все основания быть высокого мнения о собственном жилище.

Мистер Рейси придерживался высокого мнения обо всем, что было связано с ним личными интересами или кровным родством. Едва ли он часто радовал миссис Рейси, однако все знали, какого высокого мнения он о супруге. То же и с дочерьми, Сарой Энн и Мэри Аделин, юными копиями флегматичной миссис Рейси, – неизвестно, как близки были девочки со своим благодушным родителем, но каждый хоть раз слышал, как горячо отец их расхваливал. Главным предметом гордости мистера Рейси был его сын Льюис. Правда, острый на язык Джеймсон Леджли однажды заметил, что если бы Холстон вздумал смастерить себе наследника, крайне сомнительно, чтобы плодом его кропотливых трудов стал Льюис.

Мистер Рейси был мужчина монументальный, почти равновеликий во всех трех измерениях. Каким бы боком он ни повернулся к окружающим, зрителям открывался одинаково впечатляющий вид; и каждый дюйм этого необъятного пространства был так изысканно ухожен, что фермерам вполне могло прийти на ум сравнение с необозримыми угожьями, где возделан каждый клочок земли. Даже лысина, столь же обширная, как и все остальное, выглядела так, словно ее полировали ежедневно; а в жаркий день он являл собой пример восхитительно мудреной и невероятно дорогой оросительной системы. Он был так огромен, так много в нем было граней и плоскостей, что увлекательнейшее зрелище представало перед наблюдателями, когда каждая струйка влаги спускалась по своему руслу. Даже на его исполинских полнокровных руках капли умудрялись разделиться, стекая разными дорожками с гребней пальцев; а уж что касается лба, висков и пухлых подушечек щек под нижними веками, каждый из этих склонов имел свой ручеек с тихими заводями и бурливыми водопадами. Картина эта вовсе не была отталкивающей, потому как вся его неохватная пузырящаяся поверхность лучилась чистейшим здоровым румянцем и благоухала роскошнейшим одеколоном и лучшим французским мылом.

Миссис Рейси хоть и не могла похвастаться столь величественным сложением, тоже обладала определенным размахом. Нарядившись в лучшее платье муарового шелка (такое пышное, что стояло само по себе) и довершив образ бесчисленными кружевными оборками, а также гроздьями пурпурных виноградин щегольской парижской шляпки, она почти соответствовала объему мужа. И вот эта самая пара «с полной загрузкой», как выразился бы Коммодор, произвела на свет щуплого коротышку Льюиса; мальчик-с-пальчик при рождении, недомерок в детстве, он вырос теперь в юношу столь же значительного, как полуденная тень.

«Наверняка эти мысли не раз приходили в голову четверем джентльменам, собравшимся вокруг отцовской чаши», – думал Льюис, свесив ноги с перил веранды.

Мистер Роберт Хаззард, высокий широкоплечий банкир, казавшийся огромным в любом обществе, исключая общество мистера Рейси, откинулся назад, поднял бокал и слегка поклонился Льюису.

– За большое путешествие!

– Не сиди на перилах, мой мальчик, ты похож на воробья, – укоризненно произнес мистер Рейси. Льюис спрыгнул на землю и ответил на поклон мистера Хаззарда.

– Я как-то не подумал, – промямлил он, пуская в ход излюбленное оправдание.

– За большое путешествие! – подняв стаканы, веселым эхом отозвались мистер Эмброуз Хаззард, младший брат банкира, мистер Леджли и мистер Дональдсон Кент.

Льюис снова поклонился и пригубил забытый бокал. Смотрел он только на мистера Кента, дальнего родственника отца. Молчаливый человек с худым орлиным профилем выглядел как отставной герой Войны за независимость, но при этом жил в ежедневном страхе перед пустяковыми опасностями и малейшей ответственностью.

Сей благоразумный, осмотрительный гражданин несколько лет назад получил неожиданное и совершенно возмутительное требование взять на попечение дочь своего единственного брата Джулиуса Кента. Сам Джулиус умер в Италии – что ж, это его личное дело, он ведь переехал туда добровольно. Однако позволить собственной жене умереть раньше себя,

оставить несовершеннолетнюю дочь, да еще и написать завещание, поручающее опеку над ней почтенному старшему брату (Дональдсону Кенту, эсквайру, Кент-Пойнт, Лонг-Айленд и Грейт-Джонс-стрит, Нью-Йорк), – это не что иное, как черная неблагодарность, переходящая всяческие границы. Ни сам мистер Кент, ни его супруга решительно не понимали, чем Дональдсон (не раз выплачивавший долги брата) заслужил это последнее время.

Племянница приехала. Ей было четырнадцать, и все вокруг сочли шуплую смуглую девочку дурнушкой. Ее звали Беатриче. Это было ужасно само по себе и усугублялось тем, что невежественные аборигены сократили имя до Триши. Однако девочка была расторопной, услужливой и добронравной, а некрасивость, по мнению друзей мистера и миссис Кент, лишь упрощала всем жизнь. В семействе Кентов подрастали двое мальчиков, Билл и Дональд; если бы нищая кухня была хороша собой, наверняка привлекала бы к себе больше внимания и, как знать, может, в конечном итоге отплатила бы родственникам за милосердие бездушным коварством. Внешность устраняла эту опасность, и Кенты могли быть добры к племяннице, не беспокоясь о последствиях, а доброта была у них в крови. С годами Триши постепенно сама стала нянькой для своих опекунов, поскольку в крови мистера и миссис Кент, помимо доброты, была еще и склонность беспомощно вверять себя заботам любого, кто не вызывал в них тревоги и подозрений.

– Да, он отплывает в понедельник.

Мистер Рейси резко кивнул сыну, который отставил стакан, сделав лишь маленький глоток. «До дна, плут!» – приказывал кивок, и, запрокинув голову, Льюис проглотил все одним духом, хотя жидкость едва не застряла в его цыплячем горле. Ему уже пришлось осушить два стакана, и этого было более чем достаточно. Теперь скромная веселость, очевидно, перетечет в безудержную говорливость, за которой последуют тоскливый вечер и муторное утро. А ведь он хотел сегодня сохранить разум ясным для неторопливых чистых дум о Триши Кент.

Конечно же, Льюис не мог на ней жениться. Пока не мог. Хотя сегодня ему исполнился двадцать один год, он все еще полностью зависел от отца. И, по правде сказать, его не так уж расстраивало, что сначала он отправится в путешествие, о котором мечтал с той самой минуты, когда его младенческий взгляд впервые привлекли гравюры, изображавшие европейские города, в пропахшем циновками длинном коридоре второго этажа. Все, что Триши рассказывала об Италии, лишь усилило его томление. О, если бы он мог взять ее с собой проводником, его Беатриче! (Она подарила ему принадлежавший отцу томик Данте с гравированным фронтисписом, изображавшим Беатриче, а Мэри Аделин, которую учил итальянскому один из романтических миланских изгнанников, помогала брату с грамматикой.)

Да, сейчас поездка в Италию с Триши была лишь мечтой, однако когда-нибудь они вернутся туда мужем и женой, и тогда, может быть, именно Льюис станет проводником, который откроет ей чудеса родины, страны, о которой она, если вдуматься, знала совсем немного, разве что мелкие бытовые подробности, необычные, но малозначительные.

Столь радужная перспектива раздула грудь воздыхателя Беатриче и примирила его с мыслью о расставании. В конце концов, в глубине души Льюис все еще чувствовал себя мальчиком, а вернуться планировал мужчиной, это он скажет ей завтра при встрече. Когда он вернется, его характер окончательно сформируется, а знание жизни (которое он уже считал весьма глубоким) обретет полноту; тогда никто не сможет их разлучить. Льюис улыбнулся, представив, как мало тронут ругань и крики отца мужчину, вернувшегося из большого путешествия...

Джентльмены пустились в воспоминания о собственных вояжах. Никто из них – даже сам мистер Рейси – не провел в Европе столько времени, сколько должен был провести Льюис, но Хаззарды дважды бывали в Англии по делам банка, а отважный Коммодор Леджли – во Франции и Бельгии (ранние приключения на Дальнем Востоке не в счет). Все трое сохранили яркие и забавные впечатления, слегка приправленные неодобрением иноземных нравов.

– Ох уж эти француженки! – посмеивался Коммодор, скаля белые зубы.

Однако тут в разговор включился бедный мистер Кент, который провел за границей медовый месяц. В Париже его застигла революция тридцатого года, во Флоренции свалила лихорадка, а в Вене власти едва не арестовали как шпиона; единственным приятным эпизодом в этом катастрофическом и никогда больше не повторявшемся путешествии было то, что его ошибочно приняли за герцога Веллингтона, когда он пытался выскользнуть из венского отеля в синем сюртуке своего посыльного. Толпа встретила его «с лестным энтузиазмом», признался мистер Кент.

– И как только мой несчастный брат Джулиус мог там жить! Впрочем, мы все видим, к чему это привело, – говорил он, будто невзрачность бедняжки Триши придавала его выводам особый вес. – В Париже есть одна вещь, от которой тебя следует предостеречь, мой мальчик: игорные дома на Пале-Рояль. Внутри сам я не бывал, но мне хватило и взгляда снаружи, – добавил он в том же назидательном тоне.

– Я знавал парня, просядывшего в них целое состояние, – подтвердил мистер Генри Хаззард.

– А какие там потаскушки! Ох уж эти потаскушки... – с масляными глазами посмеивался Коммодор, допив десятый стакан.

– Что касается Вены... – начал мистер Кент, но мистер Генри Хаззард прервал его:

– Даже в Лондоне молодой человек должен быть начеку, чтобы не угодить в ловушку. Вот где процветают все виды мошенничества, а зазывалы неусыпно высматривают «карасей». Это такой термин, – добавил он извиняющимся тоном, – который они применяют к путешественникам, впервые приехавшим в страну.

– В Париже меня однажды чуть не вызвали на дуэль! – выдохнул с благоговейным ужасом мистер Кент и с облегчением покосился на пролив, в сторону мирной крыши своего дома.

Коммодор расхохотался:

– О, дуэли! Дуэли и здесь не редкость. Я лично участвовал в доброй дюжине еще юнцом, в Новом Орлеане. Из-за женщин, – доверительно подмигнул он, протягивая мистеру Рейси пустой стакан.

Мать Коммодора была южанкой и после смерти мужа провела несколько лет со своими родителями в Луизиане, так что разносторонний жизненный опыт ее сын начал получать довольно рано.

– Дамы идут! – предостерегающе рявкнул мистер Кент.

Джентльмены поднялись на ноги, Коммодор вскочил так же быстро и уверенно, как прочие. Французское окно гостиной распахнулось, и оттуда выплыла миссис Рейси в шелковом платье с оборками и кружевной шляпке Пуэн-де-Пари, за ней следовали дочери в платьях из накрахмаленной кисеи с розовыми корсажами. Мистер Рейси с гордым одобрением взирал на своих женщин.

– Джентльмены, – произнесла миссис Рейси совершенно ровным голосом, – ужин на столе. Прошу вас оказать честь мистеру Рейси и мне...

– Честь, мэ, – сказал мистер Эмброуз Хаззард, – оказываете нам вы своим приглашением!

Миссис Рейси присела в реверансе, джентльмены поклонились, а хозяин дома произнес:

– Хаззард, дайте миссис Рейси вашу руку. Наша скромная прощальная пирушка проходит в семейном кругу, так что Коммодору и вам, Хаззард, придется довольствоваться обществом моих дочерей, Сары Энн и Мэри Аделин.

Вышеозначенные джентльмены церемонно подали руки девочкам и двинулись в дом. Мистер Кент на правах родственника замыкал процессию вместе с мистером Рейси и Льюисом.

О, что это был за стол! Вид его иногда возникал перед глазами Льюиса Рейси в чужеземных странах. Живя дома, юноша не был ни чревоугодником, ни гурманом, однако позже в краях каштановой муки, чеснока и причудливых бородатых морских тварей не раз глотал

слюну, вспоминая эту невиданную роскошь. В центре стола располагалась серебряная фамильная многоярусная ваза с букетом июньских роз в окружении свисающих корзиночек с засахаренным миндалем и полосатыми мятными леденцами. Вокруг основной композиции сгруппировалось несколько блюд лоустофтского фарфора, до краев наполненных клубникой, малиной и первыми делавэрскими персиками. За ними высились горы печенья, пончиков-круллеров и песочных пирожных с клубникой, кукурузный хлеб с пылу с жару, а золотистые бруски масла «со слезой», только что принесенные с маслобойни, оттеняли виргинскую ветчину, стоявшую перед мистером Рейси, и менажницу с яичницей на тостах и жаренным на гриле луфарем, перед которой восседала его супруга. Впоследствии Льюис так и не сумел вписать в этот причудливый орнамент «гарниры», каким-то замысловатым образом переплетенные с основным узором: индюшачьи ножки с пряностями и рагу с курицей в сливочном соусе, тонко нарезанные огурцы и помидоры, тяжелые серебряные кувшины со сливками цвета масла, французский «Плавающий остров», крохотные камбалы и лимонное желе; но они были там, то ли все вместе, то ли по очереди, приносимые негритянкой Диной, как и покачивающиеся башенки вафель в сопровождении узкогорлых серебряных кувшинчиков с кленовым сиропом.

И они ели, – о, как все они ели! – хотя дамам подобало лишь томно отщипывать маленькие кусочки; однако Льюис не притрагивался к своей тарелке, покуда строгий взор отца или просительный взгляд Мэри Аделин не заставляли его вяло ковырнуть вилкой гору лежащих перед ним лакомств.

На протяжении всего ужина мистер Рейси не переставал разглагольствовать:

– По моему мнению, молодому человеку, прежде чем устраивать собственную жизнь, надлежит посмотреть мир, сформировать вкусы и взгляды. Ему следует ознакомиться с самыми известными памятниками, изучить устройство иностранных обществ, а также привычки и обычаи тех древнейших цивилизаций, чье ярмо мы к собственной чести сбросили. Хотя он может увидеть в них много такого, что достойно сожаления и порицания...

– Девоч, например, – вернул Коммодор Леджли достаточно громко, чтобы все расслышали.

– ...много такого, что заставит его возблагодарить судьбу за счастье родиться и вырасти в свободном обществе. Впрочем, я верю, что он сможет и кое-чему научиться, – великодушно признал мистер Рейси.

– Хотя воскресные мессы... – отважился вставить мистер Кент предостерегающе, и миссис Рейси выдохнула, повернувшись к сыну:

– Вот! И я о том же!

Мистер Рейси не любил, когда его перебивали, и это замечание встретил, ошутимо увеличившись в размерах. Огромная глыба его тела угрожающе нависла над столом, притихшим после вмешательства мистера Кента и бормотания миссис Рейси. Затем он лавиной обрушился на обоих:

– Мессы, мессы! И что же в этих мессах такого страшного для добропорядочного прихожанина епископальной церкви? Мы ведь все здесь благочестивые христиане, да? За моим столом нет ни нытиков-методистов, ни безбожников-унитарианцев, насколько мне известно. Не стану оскорблять дам предположением, что кто-то из них украдкой прислушивался к баптистскому пустослову из часовни в начале нашей улицы. Нет? Так я и думал. В таком случае я спрашиваю вас: что за суматоха вокруг папистов? Я далек от одобрения их варварских доктрин, но, черт побери! Они ходят в церковь, не так ли? У них есть настоящая служба, как и у нас. И настоящие священники, а не кучка невзрачных людишек, одетых как нищие миряне и фамильярно болтающих со Всевышним на своем вульгарном жаргоне. Нет, сэр, – он повернулся к съезжившемуся мистеру Кенту, – в чужих краях канализация пугает меня куда сильнее церкви.

Миссис Рейси страшно побледнела: Льюис знал, она тоже крайне обеспокоена проблемой канализации.

– И ночной воздух, – прошелестела она, но мистер Рейси уже оседлал любимого конька:

– Я глубоко убежден, что если уж молодой человек отправляется в путешествие, должен путешествовать так много, как позволяют... э-э... средства. Должен увидеть как можно больше. Таковы мои напутствия сыну, Коммодор! И пусть он исполнит их наилучшим образом!

Негритянка Дина, убрав виргинскую ветчину, точнее, оставшуюся от нее кость, сумела освободить место для чаши с пуншем, и мистер Рейси разлил благоухающий огонь по бокалам, стоявшим на серебряном подносе. Джентльмены поднялись, дамы улыбнулись и пустили слезу, и зазвучали тосты за здоровье Льюиса и успех большого путешествия, произносившиеся с таким непосредственным красноречием, что миссис Рейси, торопливо кивнув дочерям, выпроводила их из комнаты, нарочито громко шурша пышными крахмальными юбками. Льюис слышал, как на пороге она прошептала:

– В конце концов, то, что отец так выражается, показывает его благосклонность в отношении вашего дорогого брата.

Глава II

Несмотря на вынужденные возлияния, Льюис Рейси проснулся до восхода солнца.

Бесшумно открыв ставни, он взглянул на мокрую от росы лужайку с размытыми пятнами кустов и дальше, на воды пролива, смутно виднеющиеся под полным звезд небом. У него болела голова, но сердце пылало; перед ним открывалась картина столь захватывающая, что могла бы привести в чувство куда более пьяного человека.

Он быстро оделся (полностью, не считая обуви) и, скатав в тугий рулон одеяло в цветочек с высокой кровати красного дерева, сунул его под мышку. Так, загадочно экипированный, с туфлями в руках, он ощупью пробирался сквозь темноту второго этажа к скользкой дубовой лестнице, когда с испугом заметил огонек свечи в кромешной тьме зала внизу. Затаив дыхание, он перегнулся через перила и с изумлением увидел, как из коридора, ведущего в кладовую, вышла его сестра Мэри Аделин в плаще и чепце, но так же, как и он сам, в одних чулках. Обе руки ее были заняты: в одной она несла туфли и свечу, в другой – большую закрытую корзину.

Льюис прокрался вниз, брат и сестра, замерев, уставились друг на друга в синих сумерках; кроткое лицо Мэри Аделин, подсвеченное неверным огоньком, исказилось в испуганной гримасе.

– Ты что здесь делаешь? – прошептала она. – Пока мама не видит, я собрала кое-что для несчастной миссис По, что живет дальше по переулку. Она так больна, бедняжка... Ты ведь никому не скажешь?

Жестом выразив согласие, Льюис осторожно отодвинул засов на входной двери. Они не осмелились вымолвить больше ни слова, пока не оказались вне пределов слышимости. На крыльце оба сели, чтобы надеть туфли, затем в нерушимом молчании сквозь призрачные кусты поспешили к калитке, ведущей на улицу.

– А ты, Льюис? – вдруг спросила сестра, удивленно глядя на свернутое одеяло в руках брата.

– О, я... – Льюис умолк и принялся рыться в кармане. – Послушай, Эдди, у меня не так много денег, старик держит меня в ежовых рукавицах, как и всегда, но... Вот доллар, если ты считаешь, что он пригодится бедной миссис По, я буду счастлив... почту за честь.

– Боже, Льюис! Это так благородно, так щедро с твоей стороны! Конечно же, деньги будут кстати! Я смогу купить на них еще кое-что. Ты знаешь, они совсем не видят мяса, только то, что я им приношу. Миссис По умирает от чахотки, но они с матерью такие гордые... – Слезы

благодарности проступили на глазах сестры, и Льюис вздохнул с облегчением: он отвлек ее внимание от одеяла.

– Какой чудный бриз, – произнес он, вдыхая внезапно похолодевший воздух.

– Мне пора. Надо вернуться до рассвета, – спохватилась Мэри Аделин. – Нехорошо, если мама заметит.

– Она не знает о твоих визитах к миссис По?

Выражение детской хитрости внезапно оживило постное лицо Мэри Аделин.

– Знает, конечно, просто притворяется. Мы так договорились. Мистер По, видишь ли, атеист, и отец...

Льюис понимающе кивнул.

– Что ж, расстанемся здесь, я пойду поплавать, – безмятежно сказал он, но вдруг повернулся и схватил сестру за руку. – Прошу тебя, скажи миссис По, я слышал, как ее муж читал стихи в Нью-Йорке два дня назад...

(«Ты, Льюис? Отец говорит, он богохульник!»)

– ...и считаю его великим поэтом. Великим! Передай ей это от моего имени, Мэри Аделин, пожалуйста!

– Не могу, прости... Мы никогда о нем не говорим, – смущенно вымолвила она, удаляясь.

В бухте, где несколько часов назад стояло судно Коммодора, теперь на волнах качалась большая весельная лодка. Подплыв к ней, молодой Рейси быстро пришвартовал свою шлюпку и взобрался на борт.

Пошарив по карманам, он выудил веревку, проволоку, толстую иглу, а также другие неожиданные и совершенно нелепые снасти; связав весла вместе в импровизированную мачту, он прикрепил к ней одеяло и установил получившуюся конструкцию, зажав между передней банкой и носом. Привязав веревку к свободному концу одеяла, он сел на корме, держа одной рукой руль, а другой – свое диковинное ветрило.

Венера светила над полоской бледно-зеленого неба, заливая море серебряным сиянием, рассветный бриз надувал парус влюбленного...

На отлогом берегу другой бухты, в двух или трех милях ниже по проливу, Льюис Рейси опустил свой чудной парус и причалил. Стайка ив на самом краю гальки таинственно зашевелилась, ветви раздвинулись, и Триши Кент бросилась в его объятия.

Солнце только что поднялось над полоской низких облаков на востоке, залив их золотом, Венера померкла в лучах восходящего светила. Однако под ивами все еще царил водянисто-зеленый полумрак, хранивший тайные шепоты ночи.

– Триши, ангел мой! – вскричал юноша, опускаясь рядом с ней на колени, а спустя мгновение добавил: – Никто не догадался?

Девушка тихонько усмехнулась, сморщив милый носик. Задыхаясь от радости, она взяла юношу за руки и склонила голову ему на плечо, круглый лоб и жесткие косы прижались к щеке.

– Я уже думал, мне сюда не добраться, – проворчал он. – С этим нелепым одеялом... Ведь скоро совсем рассветет! Подумать только, со вчерашнего дня я совершеннолетний, и все равно должен плыть к тебе в лодке, оснащенной как детская игрушка в парковом пруду. Так унижительно.

– Разве это теперь имеет значение, милый? Ты совершеннолетний, а значит, сам себе хозяин.

– Хозяин... отец тоже так говорит, вот только это пустые слова, условия все равно диктует он! На мое имя открыт кредит в лондонском банке на десять тысяч долларов. Десять тысяч, представляешь! И ни пенни здесь, чтобы я хоть на миг почувствовал себя человеком. Почему, Триши, объясни мне!

Девушка обвила руками его шею, и в череде невинных поцелуев он вдруг ощутил на губах ее слезы.

– Триши, что с тобой? – умоляюще воскликнул Льюис.

– Я совсем забыла, что это наш последний день, пока ты не упомянул Лондон... бессердечный, бессердечный! – упрекала она, и в зеленом сумраке под ивами ее сияющие глаза метали молнии. Ни одни глаза в мире не умели так красноречиво выразить стихийную ярость, как глаза Триши.

– Ты моя маленькая фурия! – Он рассмеялся в ответ несколько сдавленно. – Да, сегодня последний день, но ненадолго; два года в нашем возрасте – совсем небольшой срок, правда? Я вернусь самостоятельным и независимым, свободным, как птица. И тогда приду открыто заявить права на тебя перед всеми. Думай об этом, моя милая, и будь храброй ради меня... храброй и терпеливой, каким я сам намерен быть! – патетически заявил он.

– О, но ведь ты... ты увидишь других девушек, толпы и толпы девушек в тех нечестивых старых странах, где они так прекрасны... Дядя Кент говорит, все европейские страны нечестивы, даже моя горемычная Италия...

– А ты тем временем будешь видеть кузенов Билла и Дональда, ежедневно, с утра до вечера! Ты ведь равнодушна к здоровяку Биллу, разве не так? О, если бы я был ростом шесть футов и один дюйм без обуви, я бы уезжал с легким сердцем, моя очаровательная ветреница! – пытался шутить Льюис.

– Ветреница? Я?! О, Льюис!

Он почуял подступающие рыдания, и неоперившееся мужество его покинуло. Теоретически прижимать к груди плачущую красавицу было восхитительно, но на практике, как он выяснил, это ужасно пугало. Тревога сдавила его горло.

– Нет-нет, твердая как скала, верная что твой пес. Такими мы оба будем, правда, *cara*?

– Да, *cara*, – выдохнула она, успокаиваясь.

– И ты все время будешь мне писать, Триши... длинные-предлинные письма, правда? Где бы я ни был. И не забывай нумеровать каждое, чтобы я сразу понял, если пропущу одно.

– А ты будешь носить их здесь? – Она коснулась его груди и добавила, смеясь: – Не все, конечно. Очень скоро у тебя накопится такая большая связка, что если вздумаешь брать ее с собой, обзаведешься горбом спереди, как Пульчинелла. Но всегда держи под сердцем последнее! Обещаешь?

– Всегда, обещаю. Пока они будут нежными... – Он все еще пытался говорить бодро.

– Они будут такими, Льюис, пока твои... и после... еще долго-долго...

Проиграв восходящему солнцу, Венера растворилась в утреннем небе.

Глава III

Льюис всегда знал: не прощание с Триши решит его судьбу, а последняя беседа с отцом.

От нее зависело все: и ближайшее будущее, и отдаленные перспективы. Пробираясь домой по мокрой от росы траве в первых лучах солнца, он с опаской взглянул на окна мистера Рейси и, убедившись, что ставни все еще наглухо закрыты, возблагодарил свою счастливую звезду.

Без сомнения, миссис Рейси была права: то, что ее муж не стеснялся в выражениях при дамах, говорило о прекрасном расположении духа, расслабленности и раскрепощенности. В этом состоянии близкие видели его так редко, что Льюис иногда задавался непочтительным вопросом: за какие грехи ему и двум его сестрам досталось столь жалкое, затравленное существование.

Льюис не раз с удовольствием напоминал себе, что большая часть семейного состояния принадлежит матери, а уж из нее-то он мог бы веревки вить, но какой в этом прок? Мистер

Рейси уже на следующий день после свадьбы без лишних слов взял на себя управление имуществом супруги и, положив ей весьма скромное содержание, скрупулезно вычитал из него все личные расходы, включая почтовые марки и доллар, который она оставляла на тарелке для пожертвований в церкви по воскресеньям. Смехотворное содержание он называл «деньгами на булавки», неустанно подчеркивая, что сам оплачивает все счета по хозяйству, а свои ежеквартальные гроши миссис Рейси может смело тратить на оборки, перья и все, что душе угодно.

– Ленточки и перышки, моя дорогая! – говаривал он. – Мне хочется видеть рядом прекрасную даму, одетую с иголочки. Не желаю, чтобы друзья, заглядывающие на обед, воображали, будто миссис Рейси лежит больная наверху, а за столом ее заменяет бедная родственница в саржевом платье.

И миссис Рейси, польщенная и напуганная одновременно, тратила все до последнего цента на модные наряды для себя и дочерей, а после экономила на обогреве спален и еде для слуг, пытаясь выкроить хоть что-нибудь на личные нужды.

Мистер Рейси давно убедил жену: его метод расчетов был если не щедрым, то, во всяком случае, пристойным и даже «благородным»; со своими родственниками она беседовала на эту тему, утирая слезы благодарности к своему великодушному супругу, взвалившему на себя тяжкое бремя управления ее имуществом. Поскольку справлялся супруг весьма успешно, практичные братья миссис Рейси (довольные, что избавились от ответственности, и убежденные, что если бы сестру предоставили самой себе, она вмиг растратила бы состояние на неразумную благотворительность) разделяли ее мнение. Лишь старая мать иногда беспомощно сокрушалась: «Сердце сжимается, как подумаю, что бедняжка Люси Энн и ложки каши не может съесть, пока муж не взвесит крупу». Однако и это произносилось шепотом, дабы загадочная способность мистера Рейси слышать все, что говорят у него за спиной, не ввергла в опалу почтенную леди, которую он всегда именовал с благоговейной дрожью в голосе исключительно «моей дорогой тещей, если только она не позволит называть себя короче, но вернее – матушкой».

До этого дня мистер Рейси относился к сыну так же, как к женской половине своего семейства: одевал, оплачивал дорогое образование и превозносил до небес, вычитая при этом каждый потраченный пенни из положенного ему содержания. Однако разница была, и Льюис знал ее так же хорошо, как и любой другой.

Заветным желанием, голубой мечтой мистера Рейси было (как прекрасно знал сын) основать династию, а для этой цели подходил только Льюис. Мистер Рейси верил в право первородства, фамильные реликвии, родовые поместья, одним словом – во все атрибуты исконно английского землевладения. Никто громче его не восхвалял демократические институты, в системе которых он жил, однако демократия, по его искреннему убеждению, никак не должна была затрагивать более личного и более важного института – Семьи; именно Семье и посвящал мистер Рейси все заботы и помыслы. В результате, как смутно догадывался Льюис, на бедной маленькой голове сына сосредоточилась вся страсть, помещавшаяся в широкой груди отца. Сын был его собственностью и олицетворением того, что было отцу дороже всего на свете; по этим двум причинам мистер Рейси ценил мальчика невероятно высоко (что, впрочем, по мнению Льюиса, не имело ничего общего с любовью).

Особенно гордился мистер Рейси пристрастием сына к литературе. Будучи человеком неначитанным, он горячо восхищался теми, кого называл «образованными джентльменами» – именно таким, очевидно, станет Льюис. Если бы только он мог совместить эту склонность с более мужественным телосложением и интересом к тем немногим видам спорта, которые в то время пользовались популярностью среди джентльменов, мистер Рейси был бы полностью удовлетворен; но может ли быть совершенным хоть что-нибудь в этом несовершенном мире? Впрочем, он тешил себя надеждой, что Льюис молод и податлив, его организм, несомненно, еще окрепнет, а два года путешествий могут сделать из него совсем другого человека, как физически, так и духовно. Мистер Рейси сам в юности путешествовал и был убежден, что этот

опыт сыграл решающую роль в формировании его личности; теперь он втайне надеялся, что Льюис вернется из Европы загорелым и возмужавшим, закаленным независимостью и приключениями, благоразумно разбросав свое дикое семя в чужих полях, где оно не осквернит домашнего урожая.

Обо всем этом Льюис догадывался; а еще догадывался, что два года скитаний задуманы отцом как подготовка к реализации честолюбивых матримониальных планов, в которых сын не будет иметь даже совещательного голоса.

«Ради достижения собственных целей он бросит к моим ногам весь мир», – заключил молодой человек, спускаясь к семейному завтраку.

Мистер Рейси еще никогда не выглядел элегантнее. Безукоризненно белые парусиновые брюки стянуты лайковыми сапогами, тонкий кашемировый сюртук и бежевый пикейный жилет под белоснежным галстуком делали его столь же свежим, как само утро, и столь же аппетитным, как поданные к завтраку персики и сливки.

На другом конце стола расположилась миссис Рейси, не уступавшая мужу в безупречности одевания, однако несколько бледная лицом, как и подобает матери, готовящейся к расставанию с единственным сыном; необычайно румяная Сара Энн, сидевшая между ними, изо всех сил старалась заслонить пустующее место сестры. Льюис поприветствовал семейство и сел справа от матери.

Мистер Рейси достал свои гильошированные часы с репетиром, снял с массивной золотой цепочки и положил рядом с собою на стол.

– Мэри Аделин снова опаздывает. Довольно необычно для любящей сестры опаздывать на последний завтрак с единственным братом, уезжающим на два года.

– О, мистер Рейси! – неуверенно произнесла его жена.

– Я просто говорю, что это необычно, – саркастически заметил мистер Рейси. – Может, судьба подарила мне эксцентричную дочь?

– Боюсь, у Мэри Аделин начинается мигрень, сэр, – торопливо промолвила Сара Энн. – Она пыталась подняться, но не сумела.

В ответ мистер Рейси лишь иронически поднял бровь, и Льюис поспешно вмешался:

– Мне жаль, сэр, вероятно, в том моя вина...

Миссис Рейси побелела, Сара Энн побагровела, а мистер Рейси лишь повторил последние слова с чопорным скептицизмом:

– Твоя... вина?

– Ведь это я был причиной чрезмерно пышного празднества вчера, сэр.

Отец семейства благодушно рассмеялся, молнии в его глазах погасли. Он отодвинул стул и кивнул сыну с улыбкой; оставив дам мыть чашки (как все еще было принято в благородных семействах), мужчины отправились в рабочий кабинет мистера Рейси.

Работал здесь мистер Рейси, по всей видимости, лишь со счетами, да еще над собой – старался сделаться как можно более непереносимым для своей семьи. Комнатка была маленькой и пугающе пустой; молодой человек, всегда переступавший ее порог с замиранием сердца, почувствовал, что сейчас она стала еще теснее, чем прежде. «Вот оно!» – подумал он.

Мистер Рейси уселся в единственное кресло и начал:

– Сын мой, у нас немного времени, но на то, что я должен сказать, его хватит. Через несколько часов ты отправишься в свое великое путешествие: важнейшее событие в жизни любого молодого человека. Таланты и характер в сочетании со средствами дарят мне надежду, что в твоём случае этот опыт будет судьбоносным. Я жду, что домой ты вернешься мужчиной...

Пока что никаких неожиданностей в речи отца не обнаружилось; Льюис мог бы заранее пересказать ее содержание. Он склонил голову в знак согласия, и мистер Рейси продолжил:

– Мужчиной, готовым играть роль, важную роль в жизни общества. Ты станешь значительной фигурой в Нью-Йорке, мой мальчик, средства я тебе предоставляю. – Прочистив горло,

он продолжал: – Но одних только средств недостаточно, хотя не стоит забывать, что без них не обойтись. Образование, лоск, широкий кругозор – вот чего не хватает многим нашим уважаемым людям. Что они понимают в живописи или литературе? У нас здесь просто не было времени ни на то, ни на другое... ты что-то сказал?

Мистер Рейси прервался с сокрушительной учтивостью.

– Я... нет-нет, – пробормотал его сын.

– Ага; я-то подумал, ты собираешься возразить, упомянув какого-нибудь богохульного писаку, снискавшего своими рифмованными бреднями, как говорят, некоторую славу в местных пивных.

Льюис покраснел от намека, но промолчал.

– Где наш Байрон? Скотт? Где наш Шекспир? И в живописи то же самое. Где наши Старые мастера? Да, у нас есть талантливые современники, но чтобы узреть работы гениев, мы вынуждены оглядываться назад; и в большинстве случаев довольствоваться копиями... так вот, я знаю, мой мальчик, что затронул чувствительную струну! Твоя любовь к искусству не пропала втуне, я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы тебя поощрить. Твое будущее общественное положение почтенного джентльмена и состоятельного человека не позволит стать выдающимся художником или знаменитым скульптором, однако я не стану возражать против этих видов искусства в качестве увлечения. По крайней мере, пока ты за границей. Они разовьют твой вкус, укрепят взгляды и наделят проницательностью, что поможет выбрать несколько шедевров, которые ты для меня купишь. Подлинников, мой мальчик. Копии, – говорил мистер Рейси с особым нажимом, – предназначены для неразборчивых и обделенных жизненными благами. Да, дорогой Льюис, я намерен основать галерею шедевров. Твоя мать разделяет это стремление – она жаждет увидеть на наших стенах несколько оригинальных творений итальянских мастеров. Вряд ли мы сможем замахнуться на Рафаэля, но Доменикино, Альбани, Карло Дольчи, Гверчино, Карло Маратта, может быть, несколько благородных пейзажей Сальватора Розы... понимаешь мою мысль? Это будет галерея Рейси; собрать ее ядро – вот твоя миссия. Думается, я не мог измыслить для своего сына задания более приятного.

Мистер Рейси умолк, вытирая пот со лба.

– О, сэр! Так и есть! – воскликнул Льюис, вспыхнув и побледнев. Об этой части плана отца он не подозревал, и сейчас его сердце переполняла гордость за столь неожиданно возложенную на него миссию. Ничто в этот миг не могло сделать его увереннее и счастливее. На мгновение он забыл о любви, о Триши, обо всем на свете в предвкушении восторга рассматривать величайшие произведения искусства, о которых он так долго мечтал, и рассматривать не как рядовой, алчущий прикоснуться к прекрасному зритель, а как тот, в чьей власти увезти малую толику этих сокровищ с собой. Он с трудом мог осознать случившееся, и, как обычно, пережитое потрясение лишило его дара речи.

Льюис слышал, как отец развивает мысль, объясняя с обычной напыщенной тщательностью, что один из компаньонов лондонского банка, в котором были размещены средства Льюиса, известный коллекционер, согласился снабдить юного путешественника рекомендательными письмами к другим ценителям искусства во Франции и Италии, чтобы приобретения Льюиса осуществлялись под бдительным руководством сведущих людей.

В заключение мистер Рейси произнес:

– Именно для того, чтобы поставить тебя на одну ступень с лучшими коллекционерами Старого Света, я предоставил в твое распоряжение столь значительную сумму. Полагаю, на десять тысяч долларов ты сможешь путешествовать два года, ни в чем себе не отказывая; и я намерен положить на твой счет еще пять тысяч. – Он сделал паузу, давая словам улечься в голове сына. – Пять тысяч долларов на покупку произведений искусства, которые в конечном итоге – не забывай об этом – достанутся тебе; надеюсь, со временем они перейдут по наследству твоим сыновьям и сыновьям их сыновей, пока будет существовать имя Рейси.

Тон мистера Рейси намекал, что промежуток времени, о котором идет речь, не менее продолжителен, чем периоды правления египетских династий.

Льюис слушал отца, и голова его шла кругом. Пять тысяч! Сумма казалась огромной даже в долларах; если же перевести ее в любую континентальную валюту, получится такое несметное богатство, что Льюис диву давался, отчего отец заранее отказался от мысли о Рафаэле. «Буду путешествовать экономно, – решил он, – откажусь от чрезмерной роскоши и удивлю его, привезя хотя бы одно полотно. Но мама! Как она щедра, как великолепна! Теперь я понимаю, почему она мирилась с этой абсурдной прижимистостью, подчас казавшейся столь мелочной и унижительной...»

Глаза юноши наполнились слезами, но он по-прежнему молчал, хотя ему как никогда прежде хотелось выразить отцу признательность и восхищение. Входя в кабинет, он ожидал услышать прощальную проповедь на тему бережливости, а также объявление о найденной «подходящей партии» (Льюис даже предполагал, какую из девиц Хаззард отец имел бы в виду). Вместо этого ему велели распорядиться своим королевским содержанием воистину по-королевски и вернуться домой с целой галереей шедевров. «Корреджо в ней будет точно», – пробормотал он себе под нос.

– Ну, сэр? – прогремел мистер Рейси.

– О, сэр! – воскликнул Льюис и припал к широкому склону родительского жилета.

Между всех этих неожиданных радостей где-то в глубине его души шелестела мысль, что отец не сказал и не сделал ничего, чтобы помешать его тайным планам относительно Триши. Казалось, он молча принял идею их необъявленной помолвки; и Льюис чувствовал вину за то, что не признался во всем прямо там. Однако боги вселяют страх, даже когда благодушны; в такие минуты, может быть, больше, чем когда-либо...

Часть II

Глава IV

Взобравшись на выступающую скалу, Льюис Рейси любовался величественным видом Монблана.

Стоял погожий августовский день, но воздух в горах был таким колючим, что Льюису пришлось облачиться в подбитый мехом плащ, который подал по сигналу дорожный слуга, шедший за господином на почтительном расстоянии. Внизу, на изгибе горной дороги, стояла легкая изящная карета, которая доставила юношу сюда.

Прошло чуть больше года с тех пор, как он попрощался с Нью-Йорком с палубы пакетбота, шедшего вниз по заливу. Тем не менее в юноше, уверенно смотрящем на Монблан, по всей видимости, ничего не осталось от того зыбкого, почти нематериального существа, прежнего Льюиса Рейси, кроме разве что потаенного страха перед отцом. Однако и он, ослабленный расстоянием и временем, был скрыт горизонтом на другой стороне земного шара и, погруженный в глубокий сон, шевелился, лишь когда Льюис через какую-нибудь континентальную контору получал аккуратно сложенное, запечатанное сургучом письмо, написанное почерком его родителя. Рейси-старший писал нечасто, а если и писал, то в каком-то невыразительном, выпретенном тоне. На бумаге он чувствовал себя не в своей тарелке, природный сарказм тонул в витиеватых цветистых пассажах, над которыми он корпел часами; так что всерьез пугали Льюиса лишь характерный изгиб некоторых букв да еще кошмарная привычка всякий раз полностью выписывать свой титул «эсквайр» вместо скромного «эск.».

Не то чтобы Льюис порвал со всеми воспоминаниями годичной давности. Многие из них по-прежнему жили в нем или, скорее, были перенесены в нового человека, которым он стал, – например, нежные чувства к Триши Кент, которые, к его удивлению, упорно сопротивлялись натиску томных английских красавиц и восточных гурий с миндалевидными глазами. Иногда, гуляя по старинным улочкам какого-нибудь легендарного города или любуясь красотой меланхоличного пейзажа, он вдруг как наяву видел перед собой знакомое смуглое личико с круглым лбом, высокими скулами и широко посаженными глазами, устремленными прямо на него; точно так же время от времени в экзотическом саду он замирал как вкопанный, услышав запах вербены, точь-в-точь как дома, на веранде. Его путешествие скорее подтвердило, чем опровергло семейное мнение о невзрачности Триши; ее черты не вписывались ни в один из представленных ему до этой минуты эталонов женской красоты; и все же она засела там, в его новом сердце и разуме, так же глубоко, как и в старом, хотя пылкость ее поцелуев охладела, а неожиданно грубые нотки в голосе больше не трогали. Временами он с раздражением говорил себе, что, постаравшись, мог бы вырвать ее из души раз и навсегда; однако она продолжала жить в нем, невидимая, но столь же значимая, неизгладимая, как изображение на дагерротипной пластинке.

Тем не менее все дело теперь представлялось Льюису вовсе не таким важным, как прежде. Внезапно обретенная зрелость превратила для него Триши из проводника, Беатриче, какой он когда-то ее видел, в балованного ребенка; и он со всеведущей улыбкой старца пообещал себе, что, добравшись до Италии, наконец напишет ей обещанное длинное письмо.

Его путешествие началось в Англии. Там он провел несколько недель, собирая рекомендательные письма, приготавливая дорожную карету и все необходимые принадлежности, а также разъезжая по городам и замкам, от Абботсфорда до Кенилворта, не упуская ничего, что заслуживало внимания развитого ума. Из Англии он переправился в Кале и медленно двинулся на

юг, к Средиземному морю; там, сев на корабль до Пирея, он окунулся в настоящую сказку, превратившись из туриста в байроновского Гяура.

Именно Восток его преобразил; Восток, убогий и блистательный, развращенный и поэтический, полный плутовства и романтики, блеска и нищеты, столь непохожий в своей грязи и сиянии на то, о чем мечтала прилежная юность Льюиса Рейси. После Смирны с ее базарами, после Дамаска и Пальмиры, Акрополя, Митилены и Суниона что могло остаться в его памяти от Канал-стрит и лужайки перед проливом? Даже комары, казавшиеся поначалу единственным связующим звеном, были другими, поскольку он сражался с ними в иных обстоятельствах; молодой человек, путешествовавший по пустыне в арабском платье, спавший в шатре из козьей шерсти, ограбленный разбойниками на Пелопоннесе и собственными проводниками в Баальбеке, а также таможенниками везде и всюду, с улыбкой взирал на кошмары, что бродят по Нью-Йорку и реке Гудзон. Тот, прежний Льюис Рейси, еще выныривавший изредка на поверхность, казался теперь законсервированным в своей благонадежной скуке, как заспиртованный младенец. Даже гнев Рейси-старшего теперь был лишь далеким отголоском грозы в чудный летний вечер. Разве мог отец по-настоящему напугать Льюиса? Да теперь его даже Монблан не пугал!

Он еще смотрел на леденящие душу вершины с чувством если не превосходства, но равенства, когда другая карета остановилась возле его собственной и молодой человек, также сопровождаемый слугой с плащом, нетерпеливо выпрыгнул из нее и стал взбираться вверх по склону. Льюис сразу узнал и экипаж, и стройную, подтянутую фигуру юноши, его синий сюртук, чванливый галстук и шрам, несколько обезображивающий красивый рот. Это был англичанин, прибывший в гостиницу «Монтаверт» накануне вечером с лакеем, проводником и таким запасом книг, карт и принадлежностей для рисования, который едва не затмил багаж самого Льюиса.

Поначалу Льюиса не особенно заинтересовал новичок, который, сидя в столовой особняком, казалось, даже не замечал попутчика. Однако правда состояла в том, что Льюису до смерти хотелось с кем-нибудь поговорить. Он был так плотно набит невероятными впечатлениями (которые изливались наружу лишь через узенький ручеек ночного дневника), что чувствовал: если не облечет их в слова и не обсудит с кем-нибудь, придав тем самым явственность, они вскоре растворятся в нечетком многоголосье смутных воспоминаний других путешественников. Незнакомец с синими глазами точно в тон сюртука и шрамом, рассекавшим щеку и выразительный рот, показался молодому человеку достойным слушателем. Сам англичанин, по-видимому, был иного мнения. Он сохранял вид отстраненно-меланхолический, который тщеславие Льюиса сочло личиной, из тех, что надевают боги, спускаясь на землю по своим келейным делам; впрочем, Льюис льстил себе, что сухость его собственного прощания превзошла краткое «Доброй вам ночи» попутчика.

Сегодня все было иначе. Незнакомец приблизился, приподнял шляпу, открывая вздыбленные, как у статуи, волосы, и с улыбкой спросил:

– Вас, случайно, не интересуют формы перистых облаков?

Голос и улыбка были так ласковы и сопровождались взглядом столь обаятельным, что странный вопрос показался не только уместным, но и вполне естественным. Он удивил Льюиса, но не привел в замешательство. Покраснев от непривычного чувства собственного невежества, молодой человек простодушно ответил:

– Полагаю, сэр, меня интересует все.

– Достойнейший ответ! – воскликнул англичанин, протягивая руку.

– Однако вынужден добавить, – продолжал Льюис с отважной искренностью, – что мне еще не представлялось случая специально заниматься формой перистых облаков.

Спутник весело взглянул на него и произнес:

– Не вижу причин, почему бы вам не начать прямо сейчас!

Льюис так же весело согласился, а его собеседник продолжил серьезнее:

– Для того чтобы интересоваться чем-нибудь, достаточно это видеть. Полагаю, я не ошибусь, заявив, что вы – один из избранных счастливых, наделенных зоркими глазами, – произнес англичанин, и Льюис залился румянцем в знак согласия. – Вы один из тех, кто был на пути в Дамаск.

– На пути? Да я был в самом городе! – воскликнул странник, едва не лопаюсь от переполнявших его подробностей; а затем покраснел еще гуще, с запозданием поняв, что новый знакомый употребил название в переносном смысле, процитировав «Деяния святых апостолов».

Англичанин просиял.

– Вы были в Дамаске? В самом Дамаске? Лично? Но ведь это почти так же интересно, хоть и в другом смысле, как образование облаков и лишайников. Сейчас я должен посвятить себя жалким попыткам изобразить эти восхитительные пики. – Он махнул рукой в сторону горы. – Нудная работа, которая вряд ли вас заинтересует в столь возвышенной обстановке. Однако, может быть, вечером (я полагаю, мы остановимся в одной гостинице) вы уделите мне несколько минут и расскажете что-нибудь о ваших путешествиях. Отец упаковал вместе с моими кистями несколько бутылок весьма приличной мадеры; если вы удостоите меня своим обществом за ужином...

Обаятельно улыбаясь, он подал знак слуге разложить принадлежности для рисования, расстелил свой плащ на камне и с головой погрузился в работу прежде, чем Льюис забрался в свой экипаж.

Мадера не обманула ожиданий и вправду оказалась приличной, как обещал хозяин. Возможно, именно ее отменное качество придало ужину лоску; или же, напротив, общество голубоглазого англичанина превратило для крайне мало пьющего Льюиса Рейси каждую каплю в нектар.

Присоединяясь к новому знакомому, Льюис втайне надеялся, что сможет наконец выговориться; когда ужин завершился (молодые люди засиделись до рассвета), он понял, что в основном слушал. Нельзя сказать, чтобы спутник не давал ему и слова вставить, напротив, возможностей высказаться было предостаточно. Вот только стоило Льюису упомянуть малейшую деталь, как воображение собеседника захватывало его, словно камешек в бурливом водовороте. Все, что говорил Льюис, попутчик рассматривал под необычным углом, порождая совершенно новый поток мыслей; заурядный факт становился многогранным кристаллом, играющим неожиданными огнями. Ум молодого англичанина существовал в мире, куда более богатом на ассоциации и цитаты, чем мир Льюиса, однако его пылкая общительность, прямота речей и манер мгновенно очаровали простодушную юность ньюйоркца. Конечно же, не мадера ускоряла бег времени и наполняла его волшебством; это волшебство общения придало мадере (превосходной и первостатейной, как впоследствии выяснил Льюис) вкус, которого не мог предложить никакой другой сорт вина.

– Мы непременно должны встретиться в Италии! Я мог бы показать вам столько удивительных вещей! – заявил молодой англичанин, когда они поклялись в вечной дружбе на гостиничной лестнице.

Глава V

Это случилось в маленькой венецианской церквушке, скорее даже часовне, не упомянутой ни в одном путеводителе: Льюис Рейси прозрел. Если бы не случайная встреча с молодым англичанином в тени Монблана, он бы вовсе не узнал об этом месте и теперь задавался вопросом, сколько еще достойных внимания вещей мог упустить.

Он долго стоял, разглядывая фрески, поначалу оттолкнувшие его (теперь он мог в этом признаться) некоторой принужденностью поз, наивностью детальной прорисовки одеяний,

разительно отличавшихся от благородных драпировок, коими учил восхищаться сэра Джошуа в своих «Рассуждениях об искусстве», и детской невинностью безвозрастных ликов, – даже седые старцы выглядели юнцами. Вдруг его взгляд задержался на одном из этих лиц – круглощекой девушки с высокими скулами и широко посаженными глазами под замысловатым убором из кос, переплетенных жемчужными нитями. Это была Триши – подлинная Триши Кент, как живая! И ни малейшего намека на «невзрачность», здесь юная леди была не кем иным, как блистательной принцессой, центром всей композиции. А в какой сказочной стране она жила! В стране, полной грациозных юношей и круглолицых дев с губками бантиком, румяных старичков и лощеных негров, прекрасных птичек, и кошечек, и щиплющих травку кроликов... Все это великолепие было окружено золотыми балюстрадами, розовыми и голубыми колоннами, лавровые гирлянды свисали с балконов цвета слоновой кости, купола и минареты рвались ввысь на фоне теплых морей! Воображение Льюиса утонуло в этой сцене; он совсем забыл о благородных драпировках, возвышенных чувствах и мрачных задних планах маститых художников, восторгаться которыми приехал в Италию – забыл Сассофerrато, Гвидо Рени, Карло Дольчи, Спаньолетто, Карраччи, забыл даже о «Преображении» Рафаэля, хоть и считал ее величайшей картиной в мире.

После он увидел почти все, что могло предложить итальянское искусство; побывал во Флоренции, Неаполе, Риме; изучал эклектику в Болонье, знакомился с Корреджо и Джулио Романо в Парме. Однако это первое видение словно бы вложило волшебное семечко между его губ; семечко, позволяющее понять, о чем поют птицы и шепчут травы. Даже если бы его английский друг не стоял больше рядом, показывая, объясняя и вдохновляя, Льюис Рейси самонадеянно верил, что круглое личико святой Урсулы легко провело бы его мимо всех ее соперниц. Она стала для юноши краеугольным камнем, путеводной звездой: какими пошлыми казались все эти Мадонны с овечьими физиономиями, закутанные в киноварь и ультрамарин, после того как он заглянул в ее удивительные девичьи глаза и рассмотрел замысловатый узор парчи. Он совершенно отчетливо помнил тот день, когда отказался от Беатриче Ченчи... а уж что касается толстой голы Магдалины Карло Дольчи, развалившейся над книгой, которую она не читала, и недвусмысленно посматривающей на зрителя... тьфу, пакость какая! От нее святой Урсуле не было нужды его спасать...

Широко раскрытыми глазами Льюис взирал на новый мир искусства. И этот мир он должен был открыть другим – он, ничтожный и невежественный Льюис Рейси, каким, «если бы не милость Господня», если бы не случайная встреча на Монблане, он мог бы оставаться по сей день! Молодой человек содрогался, представляя армию неаполитанских попрошайек, смолянисто-черных монахов, вращающихся дервишей, томных мадонн и розовозадых купидонов, которая могла бы плыть вместе с ним домой в трюме нового скоростного парохода.

Его волнение было чем-то сродни экстазу апостола. Через несколько часов он должен был не только обнять Триши и воссоединиться со своими почтенными родителями; он также должен был встать и идти проповедовать новое евангелие тем, кто пребывал во мраке Сальватора Розы и Спаньолетто...

По возвращении Льюиса в первую очередь поразили весьма скромные размеры дома на берегу пролива и огромность мистера Рейси.

Он ожидал, что все будет наоборот. В воспоминаниях блистательная «тосканская вилла» сохранила частичку импозантности даже на фоне предполагаемых подлинников. Возможно, именно их просторные, продуваемые сквозняками залы с голыми полами в сравнении с роскошными коврами и яркими огнями Хай-Пойнт возвысили последний в его глазах; были минуты, когда впечатление усиливал еще и образ ломящегося под тяжестью разнообразных кушаний стола. Облик мистера Рейси тем временем померк. Все в нем теперь казалось Льюису каким-то мелким, недоразвитым, почти ребяческим. Например, его кичливость в отноше-

нии Эдгара По, оставшегося для Льюиса истинным поэтом, хотя в Европе он слышал и более яркие строки; самодурство с женой и дочерьми; неосознанное, но полнейшее невежество в отношении большинства идей, книг и людей, заполнявших теперь разум Льюиса; и прежде всего заносчивая поверхностность суждений об искусстве. За пределами весьма узкого круга литературных интересов, который ограничивался, как подозревал Льюис, сонным послеобеденным перелистыванием «Получаса с лучшими авторами» Найта, учености мистер Рейси не разыгрывал, оставляя это «профессорам», как он великодушно выражался. Однако в вопросах изобразительного искусства он придерживался четкой позиции и не терпел возражений; отец с жаром отстаивал свои взгляды, ссылаясь на авторитетные мнения выдающихся знатоков и рыночные цены, и, как показал прощальный разговор с сыном, совершенно четко представлял, какие полотна Старых мастеров должны быть представлены в собрании Рейси.

Молодой человек не питал раздражения к отцу из-за его суждений. Америка далеко от Европы, а с тех пор как путешествовал мистер Рейси, минуло много лет. Едва ли можно было ставить ему в вину неосведомленность о том, что работы, которыми он когда-то восхищался, более недостойны восхищения, и уж точно нельзя было пенять ему за то, что он не ведал почему. В пору юности отца о картинах, перед которыми мысленно преклонял колени сын, не знали даже искусствоведы и критики. Как мог преисполненный собственной важности американский джентльмен, плативший посыльному высочайшее жалованье за то, что тот показывал ему признанные «шедевры», угадать, что всякий раз, когда он благоговейно замирал перед Сассофerratо или Карло Дольчи, неподалеку, покрытое пылью и паутиной, таится одно из подлинных сокровищ?

Нет, Льюис взирал на отца с терпением и пониманием, что совсем не прибавляло веса родительской фигуре. Когда юноша вошел в кабинет, где сидел обездвиженный подагрой мистер Рейси, забинтованная нога, покоившаяся на кушетке, показалась ему еще одним поводом к снисхождению...

Может быть, думал потом Льюис, дело было как раз в лежачем положении отца. В том, как огромные холмы его тела вздымались над кушеткой, как тянулась горным хребтом больная нога, отчего мистер Рейси, казалось, заполнял собою всю комнату; или в громовых раскатах голоса, обрушившегося на головы миссис Рейси и девочек через порог: «А теперь, дамы, если с объятиями и поцелуями покончено, я был бы рад провести минутку с сыном». Так или иначе, после того как мать и сестры со своими бесчисленными обручами и воланами удалились, кабинет будто уменьшился в размерах, а сам Льюис почувствовал себя Давидом, только без пращи.

– Ну, мой мальчик, вот ты и дома! – воскликнул отец, краснея и отдуваясь. – Тебе наверняка есть о чем порассказать. И показать несколько шедевров, судя по счетам.

– О, без сомнения, именно шедевров, сэр, – жеманно ответил Льюис, изумляясь звонкости собственного голоса и натянутости улыбки.

– Хорошо, хорошо. – Мистер Рейси одобрительно махнул фиолетовой рукой, которая, по всей видимости, тоже созрела для перевязки. – Надеюсь, Риди выполнил мои указания? Проследил, чтобы картины разместили вместе с твоим багажом на Канал-стрит?

– Да, сэр. Мистер Риди встретил меня на причале с четкими инструкциями. Вы ведь знаете, он всегда в точности выполняет ваши приказы. – Льюис позволил себе едва заметную иронию, и мистер Рейси смерил его взглядом.

– Мистер Риди делает то, что я ему велю. В противном случае он вряд ли проработал бы у меня тридцать лет.

Льюис молчал, и мистер Рейси осмотрел его критически.

– Э-э! Да ты, кажется, поправился! Здоровье не подводит? Ну, хорошо, хорошо... Кстати, к обеду придет мистер Роберт Хаззард с дочерьми, они определенно захотят увидеть последние французские новинки в области галстуков и жилетов. Мальвина стала невероятно элегантной, как говорят твои сестры.

Мистер Рейси усмехнулся, а Льюис подумал: «Так и знал, это будет старшая дочь Хаззарда!» Легкий холодок пробежал по его спине.

– Что касается картин, – продолжал мистер Рейси с растущим воодушевлением, – я, как видишь, сражен этим проклятым недугом, и пока врачи не поставят меня на ноги, вынужден лежать здесь, пытаюсь представить твои сокровища на стенах новой галереи. До тех пор, мой мальчик, едва ли мне нужно об этом говорить, никто не будет к ним допущен. Я должен осмотреть их первым и развесить надлежащим образом. Риди немедленно приступит к распаковке твоих вещей, а в следующем месяце мы переедем в город, и миссис Рейси, даст бог, устроит роскошный прием, который только видел Нью-Йорк, чтобы представить коллекцию моего сына... и, может... э-э... в честь еще одного знаменательного события в его жизни.

Льюис встретил слова отца неразборчивым, но почтительным бормотанием, и перед его затуманенным взором встало задумчивое лицо Триши Кент.

«Что ж, увижу ее завтра», – подумал он, покинув отца и тут же воспрянув духом.

Глава VI

Обойдя комнату в доме на Канал-стрит, где были распакованы и расставлены картины, мистер Рейси долго молчал.

Он отправился в город в обществе одного только сына, строго отклонив робкие намеки дочерей и немое, но зримое желание супруги их сопровождать. Хотя подагра отступила, он все еще был слаб и раздражителен, и миссис Рейси, трепетавшая от одной только мысли о том, чтобы «ему перечить», поторопилась увести девочек прочь под первым же хмурым взглядом мужа.

Надежды Льюиса крепили, пока он следил, как прихрамывающий родитель обходит комнату. Хотя картины и были расставлены по стульям и столам вкривь и вкось, так, чтобы на них падал свет, в полумраке пустого дома они расцвели новой явственной красотой. Ах, как он был прав – отец непременно должен ими владеть!

Мистер Рейси остановился посреди комнаты. Он по-прежнему хранил молчание, а его лицо, обычно так скоро и легко принимающее хмурое или грозное выражение, сейчас имело вид спокойный, даже бесстрастный, в котором Льюис угадал выражение глубочайшего недоумения. «О, конечно, ему нужно немного времени!» – подумал сын, сгорая от нетерпения.

Наконец мистер Рейси прочистил горло, будя дремлющее эхо. Однако голос, которым он заговорил, был столь же невыразителен, как и лицо.

– Удивительно, как мало лучшие копии Старых мастеров напоминают подлинники... ведь это подлинники? – спросил он, внезапно обернувшись к сыну.

– О, конечно, сэр! Сомневаюсь... – Молодой человек собирался добавить, что никто не стал бы утруждать себя, делая с них копии, но вовремя осекся.

– Сомневаешься?

– Я хотел сказать, вряд ли в мире нашлись бы советчики более сведущие, чем мои.

– Разумеется. Ведь именно с этим условием я позволил тебе совершать сделки.

Льюис ощутил, как его тело съеживается, а отцовское неумолимо расширяется, но он бросил взгляд на картины, и красота озарила его своим целительным сиянием.

Брови мистера Рейси зловеще вздернулись, однако лицо оставалось невозмутимым. Он еще раз медленно огляделся.

– Давай начнем с Рафаэля, – любезно произнес отец, и было очевидно, что он не знает, в какую сторону повернуться.

– О, сэр, Рафаэль в наши дни... я ведь предупреждал, это значительно выше моего бюджета.

Лицо мистера Рейси немного померкло.

– Я все же надеялся... на что-нибудь не самое блистательное... – вымолвил он, а затем добавил с натугой: – Что ж, значит, Сассофerrато.

Льюис почувствовал себя свободнее и даже осмелился почтительно улыбнуться.

– Сассофerrато вообще трудно назвать блистательным, не так ли? Прежде его таковым считали, но теперь...

Мистер Рейси стоял неподвижно, устремив взгляд на ближайшую картину.

– Сассофerrато... трудно назвать?..

– Да, сэр. Во всяком случае, в сравнении с шедеврами коллекции такого уровня.

Льюис понял, что его слова наконец задели отца за живое. Что-то большое и неприятное, казалось, клокотало в горле мистера Рейси, затем он закашлялся, словно выпуская из себя Сассофerrато.

Вновь последовала пауза. Затем отец указал тростью на маленькую картину, изображавшую курносую девушку с высоким лбом и волосами, убранными жемчужными нитями, на фоне изящно переплетенных аквилегий.

– Это твой Карло Дольчи? Стиль, я вижу, почти тот же, но, на мой взгляд, не хватает присущего ему настроения.

– О, это не Карло Дольчи, сэр. Это Пьеро делла Франческа! – торжествующе воскликнул трепещущий Льюис.

– То есть копия? Я так и думал. – Отец взглянул на него строго.

– Нет-нет, не копия; это великий художник... гораздо более выдающийся...

Мистер Рейси густо покраснел, поняв свою ошибку. Чтобы скрыть естественное раздражение, он еще больше смягчил тон и заговорил вкрадчивым бархатистым голосом:

– В таком случае я бы предпочел сначала взглянуть на менее выдающихся художников. Где Карло Дольчи?

– Карло Дольчи здесь нет, – ответил сын, бледнея до самых губ.

Следующим отчетливым воспоминанием юноши было то, как он стоит подле кресла, в которое рухнул отец, почти такой же бледный и потрясенный, как он сам. Сколько прошло времени, Льюис не знал.

– Из-за этого... – пробормотал мистер Рейси, – из-за этого вернется моя подагра.

– О, сэр! – взмолился Льюис. – Поедьте назад, за город! Там позже я спокойно объясню... изложу свою позицию!

Старый джентльмен нетерпеливо взмахнул тростью, прерывая сына.

– Объяснишь позже? Изложишь свою позицию позже? Ну нет! Это именно то, чего я требую от тебя здесь и сейчас! – Затем мистер Рейси добавил хрипло, будто изможденный физической болью: – Молодой Джон Хаззард на прошлой неделе вернулся из Рима с Рафаэлем...

Далее Льюис с ледяной безучастностью слушал себя будто со стороны выстраивающим аргументы, отстаивающим дело, которое, как он надеялся, должны были отстаивать за него картины, свергающим старые авторитеты и идеалы, дабы водрузить на их место новые имена. Имена эти застревали в горле мистера Рейси, ломая его бедный язык. Потратив всю жизнь на заучивание правильного произношения Спальолетто и Джулио Романо, казалось, говорили его гневные глаза, не очень-то приятно начинать упражнения заново, прежде чем с небрежной уверенностью сможешь сказать другу: «А это мой Джотто ди Бондоне».

Однако это было лишь первое потрясение, вскоре забытое в свете куда большего несчастья. Можно было научиться произносить «Джотто ди Бондоне» и даже получать от этого удовольствие, при условии, что друг, о котором идет речь, узнает имя и отдаст должное его величию. А вот получить за свои старания пустой взгляд и насмешливую просьбу «Повторите еще раз, пожалуйста»... знать, что при обходе галереи (галереи Рейси!) тот же взгляд, та же просьба будут повторяться перед каждой картиной... Горечь, вызванная этим предвидением,

была столь велика, что мистер Рейси без преувеличения мог бы сравнить себя с ветхозаветным Агагом, вынужденным, как и он сам, расплачиваться за недалёковидную смелость собственного отпрыска.

– Боже, боже... Боже! Как, ты говоришь, зовут этого, последнего? Жемчужину коллекции? Кабатчик? Вот и потчевал бы дешевым пойлом бедняков! – Мистер Рейси был так взбешен, что его неизменное остроумие заметно притупилось. – Ах, Карпаччо, ну-ну... А тут у нас что? Рыцарь Ноева ковчега? Кто-кто, говоришь, намалевал этого раззолоченного вояку в розовых доспехах? Анджелико? Тебя надули, сын! Не Анджелико, а Анжелика. Анжелика Кауфман – дама, а треклятого пройдоху, всучившего тебе эту мазню под видом ее картины, четвертовать мало! Богом клянусь, если власти до него доберутся, то вытрясут из него каждый пенни, что он у тебя выманил, не будь я Холстон Рейси! Выгодная сделка, говоришь... выгодная?! Да я за почтовую марку больше дал бы! Боже, сын мой... ты хоть понимаешь, какое дело я тебе доверил?

– Да, сэр, да; поэтому я...

– Почему ты не написал, не рассказал о своих взглядах?

Разве мог Льюис ответить: «Если бы я поступил так, вы запретили бы мне покупать картины»? Вместо этого он запинаясь и путаясь в словах:

– Я упоминал революцию вкуса... новые имена... если помните...

– Революция! Новые имена! Да кто тебе такое сказал? На прошлой неделе я получил письмо от лондонских дилеров, которым рекомендовал тебя. В нем сказано, что летом на рынке появился подлинный Гвидо Рени.

– О, дилеры... они ничего не понимают.

– Дилеры?... Не понимают?... Кто же в таком случае понимает, кроме тебя самого? – произнес мистер Рейси с холодной усмешкой.

– Я писал вам, сэр, – так же холодно стоял на своем Льюис, – о друзьях в Италии, а позднее и в Англии.

– Да друзья твои так же безвестны, как и эти ваши пачкуны! Черт возьми, я ведь снабдил тебя списком художников, нашел советчиков... да я, в сущности, сам составил коллекцию еще до твоего отъезда... скажи правду, я ведь внятно объяснил, чего хочу?

– Я надеялся, картины сделают то же. – Льюис слабо улыбнулся.

– Что сделают? О чем ты?

– Внятно объяснят... скажут сами за себя... дадут вам понять, что их авторы вскоре столкнут с пьедестала более популярных...

Мистер Рейси разразился жутким смехом.

– Столкнут, да? И по чьему же мнению? Твоих знаменитых друзей, я полагаю. Как там зовут парня, что ты встретил в Италии? Того, что подобрал для тебя эти картины.

– Рёскин... Джон Рёскин, – вымолвил Льюис.

Продолжительный приступ смеха мистера Рейси заменил собой новый поток ругательств.

– Рёскин... просто Джон Рёскин, а? И кто же этот могущественный Джон Рёскин, вершащий суд божий над художниками? Кем был его отец?

– Почтенным виноторговцем в Лондоне.

Мистер Рейси перестал смеяться и взглянул на сына с выражением несказанного отвращения.

– Розничным?

– Я... думаю, да.

– Мерзость какая.

– Не только Рёскин так считает, отец. Я говорил о других лондонских художниках и искусствоведах, с которыми познакомился на обратном пути. Они изучили картины и все согласились, что коллекция... когда-нибудь будет на вес золота.

– Когда-нибудь... а они не уточнили дату? Месяц, год? Нет? Ох уж эти друзья... как ты сказал? Мистер Браун, мистер Хант и мистер Розитер? Ни о ком не слышал. Разве что в торговом справочнике поискать.

– Не Розитер, отец. Данте Россетти.

– Прощения просим, Россетти. Чем же занимается отец мистера Данте Россетти? Продает макароны, вероятно?

Льюис молчал, а мистер Рейси продолжал с убийственной непреклонностью:

– Друзья, к которым я тебя отправил, – истинные ценители искусства, люди, которые знают толк в картинах; из тех, что не упустили бы подлинник Рафаэля. Ты не разыскал их, когда прибыл в Англию? Или, может, они не нашли для тебя времени? Не пытайся убедить меня в этом, – добавил мистер Рейси. – Я-то знаю, как бы они приняли сына твоего отца.

– О нет, сэр... они приняли меня именно так...

– Но тебя это не устраивало! Ты не хотел советов, ты желал покрасоваться перед кучкой таких же невежд. Ты хотел... боже, да откуда мне знать, чего ты хотел. Я ведь сделал все – четкие указания, требования... Господи, сколько же денег потеряно, и на что! На это? Вздор. – Мистер Рейси поднялся, опираясь на трость, и устремил гневный взгляд на сына. – Признайся, Льюис. Ты ведь все проиграл в карты? Каталы и не таких облапошивали, я знаю; твой Рёскин, и Моррис, и Розистер просто зарабатывают на жизнь, дурача американских юнцов, путешествующих по Европе? Нет? Значит, женщина? Господь всемогущий, Льюис, – выдохнул мистер Рейси и двинулся к сыну, пошатываясь и вытянув трость. – Я не ханжа и, знаешь ли, теперь буду даже рад, если ты скажешь, что спустил все до последнего пенни на женщину, а не дал каким-то мошенникам провести себя как простака с этой пачкотней, больше похожей на рисунки из «Книги мучеников» Фокса, чем на подлинники Старых мастеров уважаемой галереи. Юность есть юность, я тоже был молод, мужчина должен через это пройти... просто признайся: это была женщина?

– Нет, сэр...

– Нет! – простонал мистер Рейси. – Значит, и вправду все на картины? Не говори больше ни слова. Домой, домой... – Напоследок он окинул комнату раздраженным взглядом. – Галерея Рейси! Куча скелетов в шутовских нарядах! Да на них же ни одной пышнотелой дамы! Знаешь, на что похожи твои Мадонны? Все до единой напоминают жалкую копию бедняжки Триши Кент. Будто ты нанял половину халтурщиков Европы, чтобы они писали ее портреты! Если бы я мог себе такое представить... Нет, сэр, я обойдусь без вашей руки, – прорычал мистер Рейси, с натугой волоча свое огромное тело через зал. На пороге он окинул сына последним испепеляющим взглядом. – И чтобы их купить, ты вышел за пределы бюджета?.. Нет, я поеду домой один.

Глава VII

Мистер Рейси скончался лишь спустя год, но весь Нью-Йорк был убежден, что его убили именно картины.

На следующий день после первого и последнего осмотра приобретений сына он вызвал адвоката и составил новое завещание, затем слег в постель с внезапно вернувшейся подагрой и слабел так быстро, что семья приняла «единственно правильное» решение: отложить прием по случаю открытия галереи, который осенью должна была устроить миссис Рейси. Это позволило близким обойти молчанием сами картины, однако за пределами дома они стали крайне популярной и богатой темой для пересудов.

Известно, что видели их, не считая самого мистера Рейси, только два человека. Первым стал мистер Дональдсон Кент, удостоенный этой чести, поскольку сам однажды бывал в Италии; вторым – мистер Риди (доверенное лицо мистера Рейси), который распаковывал картины.

Мистер Риди в кругу родственников Рейси и старинных друзей семьи говаривал с искренним смирением:

– Если честно, я не особенно разбираюсь в картинах, разве что по размеру одну от другой могу отличить. Эти, на мой взгляд, невелики... мелковаты, я бы даже сказал.

По слухам, мистер Кент наедине с мистером Рейси высказывался с предельной откровенностью и заходил так далеко, что заявлял, будто никогда не видел в Италии картин, подобных тем, что привез Льюис; говорят, он даже сомневался, действительно ли они из этой страны. На публике тем не менее он занимал уклончивую позицию, принимаемую обществом за благоразумие, но на самом деле продиктованную природной робостью. Ни разу от него не сумели добиться ничего, кроме осторожного: «Сюжеты совершенно безобидны».

Поговаривали, что советоваться с Хаззардами мистер Рейси попросту не решился. Молодой Джон Хаззард только что привез Рафаэля; было бы слишком сложно избежать сравнений, нелестных, если не сказать «оскорбительных». Ни с ними, ни с кем-либо другим мистер Рейси больше никогда не обсуждал галерею. При оглашении завещания открылось, что все картины он оставил сыну. Остальное имущество было поделено между дочерьми. Большая часть семейного состояния принадлежала его супруге; однако было известно, что миссис Рейси получила от мужа кое-какие распоряжения, среди которых, как знать, мог быть и наказ зачехнуть и последовать за супругом спустя шесть месяцев вдовства. С тех пор как она упокоилась рядом с мистером Рейси на кладбище церкви Святой Троицы, согласно ее завещанию (составленному на той же неделе, что и завещание супруга, очевидно, под его диктовку), Льюису до конца жизни выплачивалось пять тысяч долларов в год. Остаток состояния, ставшего благодаря рачительности мистера Рейси одним из крупнейших в Нью-Йорке, был также разделен между дочерьми. Одна из сестер вскоре вышла замуж за Кента, вторая – за Хаззарда; последняя, Сара Энн (которую Льюис никогда особенно не любил), потом нередко изрекала:

– О нет. Никогда я не завидовала брату из-за этих чудаковатых художеств. У нас, знаете ли, есть Рафаэль.

Дом на углу Третьей авеню и Десятой улицы Льюис Рейси унаследовал от дальнего родственника, оставившего «классическое нью-йоркское завещание», согласно которому каждый наследник получал свою долю в зависимости от близости родства. Район не пользовался популярностью, а дом требовал ремонта; однако чета Рейси, после свадьбы жившая в уединении в Тарритауне, немедленно туда переехала.

Их прибытие не привлекло особого внимания. Через год после смерти отца Льюис женился на Триши Кент. Мистер и миссис Кент союз не одобрили, заявив, что их племянница достойна лучшего; однако, поскольку один из их сыновей все еще был холост и к тому же всегда проявлял живейшую симпатию к Триши, они в конце концов пришли к разумному выводу, что лучше согласиться на этот брак, чем позволить ей захомутать Билла.

Мистер и миссис Рейси были женаты четыре года, но за столь короткий срок Нью-Йорк о них совершенно позабыл, будто их ссылка длилась полвека. Впрочем, их никогда не считали заметными фигурами в городе. Триши была всего лишь Золушкой Кентов, а эфемерная важность Льюиса как наследника миллионов Рейси улетучилась в тот скорбный миг, когда он их лишился.

Чета настолько свыклась со своим уединением, что, когда Льюис сообщил об унаследованном доме, его жена неохотно оторвала взгляд от детского одеяльца, которое вышивала.

– Дом дядюшки Эбenezера в Нью-Йорке?

Он глубоко вздохнул.

– Я наконец смогу выставить картины.

– О, милый... – Она отбросила одеяльце. – Мы возвращаемся в город?

– Разумеется! И дом такой большой, что я смогу превратить две угловые комнаты, где проходило прощание с кузеном Эбenezером, в галерею. Там идеальное освещение.

– О, Льюис...

Если кто и мог заставить Льюиса Рейси поверить в себя, так это его жена. Покорный шепот Триши будил в нем неукротимую силу отца, только вкупе с желанием применить ее более человечно.

– Ты ведь рада, Триши? Тебе здесь было скучно, я знаю.

– Скучно? С тобой, милый? Никогда! – Она залилась румянцем. – К тому же мне нравится за городом. Но и Десятая улица понравится. Вот только... ты сказал, дом требует ремонта?

Он хмуρο кивнул.

– Я займу денег. Если понадобится, – вымолвил он, понизив голос, – заложу картины.

Ее глаза наполнились слезами.

– Только не это! Я придумаю, на чем еще сэкономить.

Льюис накрыл ладонью ее руки и повернулся боком – он знал, что в профиль выглядит эффектнее, чем анфас. Он сомневался, что жена полностью уразумела его намерения относительно картин; однако не был уверен и в том, что хочет, чтобы она их поняла. Теперь он ездил в Нью-Йорк еженедельно, лично занимаясь проектами, спецификациями и прочими таинственными и важными делами с длинными сложными названиями; беременная Триши жаркие летние месяцы проводила в Тарритауне.

Крохотную девочку, родившуюся на исходе лета, окрестили Луизой. Когда ей было несколько недель, семья переехала в Нью-Йорк.

«Наконец-то!» – подумал Льюис, когда семейство тряслось в экипаже, подпрыгивающем на булыжниках Десятой улицы, по дороге к дому кузена Эбенезера.

Экипаж остановился, Льюис подал руку жене, за супругами последовала няня с ребенком, и все они замерли, глядя на фасад дома.

– О, Льюис... – ахнула Триши, и крошка Луиза завопила, словно бы сочувствуя потрясению матери.

Над дверью, над солидной старомодной и, вне всяких сомнений, наглухо запертой для посторонних дверью дядюшки Эбенезера висела большая табличка, где золотыми буквами на черном фоне читалось:

Галерея христианского искусства
Открыто по будням с 14 до 16
Вход 25 центов, детям – 10 центов

Заметив, как побледнела Триши, Льюис сжал ее руку.

– Это единственный способ сделать картины известными. Они должны быть известными! – сказал он с прежней страстью.

– Конечно, дорогой, но... вот так, открыто? Всем подряд?

– Нет смысла показывать их нашим друзьям, они уже составили представление о коллекции.

– Пожалуй, – вздохнула она, соглашаясь. – Но плата за вход...

– Галерея будет бесплатной, когда мы сможем себе это позволить, а пока...

– О, Льюис, я все понимаю. – Прижавшись к мужу, она бесстрашно шагнула под кошмарную вывеску, сопровождаемая криками все еще капризничающего ребенка. В холле Триши развернулась, чтобы заключить в объятия любимого мужа. – Наконец-то я увижу картины, освещенные должным образом.

– Это все, что нужно, чтобы их оценили, – ответил он, воодушевленный поддержкой жены.

В своем затворничестве Льюис перестал читать газеты, и супруга охотно последовала его примеру. Они жили в маленьком замкнутом мирке, словно бы дом в Тарритауне находился на другой, более счастливой планете.

Тем не менее на следующий день после открытия Галереи христианского искусства Льюис счел своим долгом отступить от этого правила и тайком купил номера ведущих изданий. Вернувшись, он направился напрямик в детскую, где в этот час Триши обычно купала дочь. Однако он опоздал: ритуал был завершен, дитя мирно спало в своей скромной кровати, а мать сидела у камина, скрючившись и закрыв лицо руками.

– Триши, не надо, – промямлил он, – не бери в голову...

– О, дорогой! – Она подняла заплаканные глаза. – Я думала, ты не читаешь газет.

– Так и есть. Однако сегодня посчитал необходимым...

– Да-да, конечно. Но ты же сам сказал: все это не имеет значения.

– Правильно. Совершенно никакого. Нам просто нужно набраться терпения и упорства.

Она помедлила, а затем обняла его, положив голову на грудь.

– Только, знаешь, я еще раз тщательно все подсчитала... даже если мы станем отапливать только детскую, боюсь, жалованье швейцара и сторожа... особенно если галерея будет открыта ежедневно...

– Я уже думал об этом и решил, что отныне сам буду и швейцаром, и сторожем.

Произнося последнюю фразу, он не сводил с нее глаз. «Это испытание», – думал он. Ее смуглое лицо побледнело, глаза расширились в попытке сдержать слезы. Затем Триши бодро сказала:

– Это будет очень любопытно, правда? Слушать, что говорят люди... Когда они лучше узнают и поймут картины, они скажут много интересного, да? – Она повернулась и подхватила спящую Луизу. – Они... о, мои любимые...

Льюис тоже отвернулся. Ни одна другая женщина в Нью-Йорке неспособна на подобное. Конечно же, он и сам страдал, слыша отголоски этого грандиозного скандала с картинами, но Триши... ранимая, чувствительная к насмешкам, лишенная его апостольской одержимости... насколько тягостнее все это для нее! Однако внезапный приступ боли был кратковременным. Ничто теперь не занимало его надолго, кроме мысли о картинах; все на свете казалось сущей ерундой. Даже зубоскальство неграмотных шелкоперов не заслуживало внимания; когда умные, образованные люди увидят картины, те скажут сами за себя. Особенно если он станет гидом.

Глава VIII

Неделю или две галерею наводняли толпы посетителей; однако никто из них так и не услышал голос картин, даже с таким переводчиком, как Льюис. В первые дни неслыханная идея проводить коммерческую выставку в жилом доме и шумиха, раздутая газетчиками, нагнали в дом крикливых зевак; однажды пришлось даже послать за пришедшей в недоумение полицией, дабы их утихомирить. Впрочем, название «Христианское искусство» быстро охладило пыл этой категории посетителей, и вскоре их сменила безгласная и праздная почтенная публика, тупо переходившая из комнаты в комнату и ворчавшая на выходе, что зрелище не стоило потраченных денег. Затем исчезли и они; за приливом последовал беспощадный отлив. Каждый день с двух до четырех Льюис сидел в окружении своих сокровищ, дрожа от нетерпения, или же мерил шагами пустынную галерею: пока оставался крохотный шанс, что явится кто-то еще, он не желал признавать поражение. Следующим посетителем всегда мог оказаться тот, кто все поймет.

Однажды снежным февральским днем, отшагав по комнатам в полном одиночестве уже более часа, он услышал снаружи шелест колес экипажа и поспешил открыть дверь. Шурша юбками, в галерею вошла его сестра Сара Энн Хаззард.

На мгновение Льюиса обуял тот же трепет, что он испытывал под взглядом отца. Кажется, замужество и миллионное состояние передали луноликой Саре частичку потомственного умения Рейси внушать окружающим страх; однако, взглянув в ее пустые глаза, он мгновенно успокоился.

– Итак, Льюис, – сказала миссис Хаззард с манерной строгостью и затаила дыхание.

– Итак, Сара Энн... я рад, что ты пришла взглянуть на картины.

– Я пришла повидать вас с женой. – Она нервно вздохнула, встряхнула своими воланами и торопливо добавила: – И осведомиться, как долго еще будет продолжаться... этот балаган.

– Ты о выставке? – улыбнулся Льюис, и сестра согласно кивнула. – Ну, в последнее время поток посетителей заметно оскудел...

– И слава богу! – ввернула она.

– ...однако пока найдется хоть один желающий взглянуть на картины, я буду здесь, готовый распахнуть двери галереи.

Она с содроганием взглянула на брата.

– Льюис, неужели ты не понимаешь?..

– Понимаю.

– Тогда почему ты не остановишься? С тебя еще не довольно?

– Эффекта, который произвели картины?

– Эффекта, который ты произвел на семью и весь город. Позора, которым ты запятнал имя нашего бедного папы, в конце концов.

– Папа оставил картины мне, Сара Энн.

– Да, но не для того, чтобы ты выставлял себя на посмешище.

– Ты в этом уверена? – бесстрастно произнес Льюис, обдумав ее последние слова. – Может статься, он поступил так именно с этой целью.

– Не оскорбляй память отца, и без того все слишком ужасно. Ума не приложу, как твоя жена это выносит. Ты хоть раз задумывался, какое унижение терпит она?

Льюис снова сухо улыбнулся.

– Она привыкла к унижениям, Кенты ее приучили.

Сара Энн залилась краской.

– И я должна терпеть, когда со мной говорят в таком тоне... что ж, я пришла с позволения мужа.

– Тебе нужно его позволение, чтобы навестить брата?

– Нет. Чтобы сделать предложение, ради которого я здесь.

Льюис посмотрел на нее с изумлением, и она побагровела еще сильнее, вплоть до кружевных оборок внутри атласного капора.

– Хочешь купить коллекцию? – спросил он насмешливо.

– Кажется, тебе доставляет удовольствие говорить нелепости. Впрочем, все лучше, чем этот омерзительный скандал вокруг нашей семьи. – Она вновь окинула беглым взглядом картины, а затем заявила: – Джон и я предлагаем удвоить содержание, назначенное тебе матерью, при условии, что ты... прекратишь. Раз и навсегда. Просто сними эту отвратительную вывеску.

Казалось, Льюис спокойно взвешивает сделанное ему предложение.

– Большое тебе спасибо, Сара Энн, – вымолвил он наконец. – Я тронут... да, тронут и... удивлен. Но, может быть, прежде чем я откажусь, ты примешь встречное предложение: осмотри картины. Уверен, ты все поймешь, когда увидишь их собственными глазами.

Миссис Хаззард поспешно отпрянула, и ореол величественности окончательно развеялся.

– Осмотреть картины? Спасибо, я прекрасно вижу их и отсюда. Кроме того, на роль судьи я не претендую.

– Что ж, в таком случае пойдем в детскую, – тихо заключил Льюис.

Сестра взглянула на него смущенно.

– Да-да, благодарю, – пробормотала Сара Энн, готовясь последовать за братом. – Значит, ты отказываешься... Льюис, прошу тебя, подумай хорошенько! Ты ведь сам сказал: у вас почти нет посетителей. Так почему бы тебе просто не закрыть это место?

– Потому что в любой день, в любой час порог может переступить человек, который все поймет.

Миссис Хаззард в отчаянии встряхнула перьями и молча пошла за хозяином дома.

– Мэри Аделин? – вскрикнула она, замерев на пороге детской.

Триши, как всегда, сидела с младенцем на руках у камина; с низкого кресла напротив поднялась леди, столь же богато наряженная, как и миссис Хаззард, однако носившая свои оборки и перья куда менее спесиво. Миссис Кент подбежала к Льюису и прижалась пухлой щечкой к его щеке, пока Триши приветствовала Сару Энн.

– Я и не подозревала, что ты здесь, Мэри Аделин, – пробормотала миссис Хаззард, явно не поделившаяся своим филантропическим прожектом с сестрой и теперь опасавшаяся, как бы этого не сделал их брат. – Я заехала на минутку взглянуть на этого милого маленького ангелочка...

И тетушка окутала изумленное дитя плотным одеялом шорохов и колыханий своего пышного наряда.

– Я так рада видеть тебя здесь, Сара Энн, – простодушно ответила Мэри Аделин.

– Ах, кабы не домашние хлопоты, я бы приехала и раньше! Надеюсь, Триши понимает, заботы о таком хозяйстве, как у меня...

– Ну конечно. К тому же в плохую погоду так трудно передвигаться по городу, – сочувственно подхватила Триши, но миссис Хаззард недоуменно приподняла бровь, точь-в-точь как делал отец.

– Неужели? С четверкой лошадей этого как-то не замечаешь... ах, чудесная, чудесная малышка!.. Мэри Аделин! – продолжала Сара Энн, обращаясь к сестре. – Буду рада предложить место в карете, если ты собираешься домой.

Однако и Мэри Аделин была замужней женщиной. Она подняла кроткую головку и сдержанно взглянула в глаза сестры.

– Благодарю. Мой собственный экипаж стоит у дверей, – холодно произнесла она, и озадаченная Сара Энн удалилась, держа под руку Льюиса. Правда, уже спустя мгновение старая привычка к покорности взяла верх над Мэри Аделин. На неизменно добродушном лице появилось выражение детской робости, и она поспешно подхватила свой плащ.

– Я поторопилась с выводами... Уверена, она не имела в виду ничего дурного! – воскликнула она, пробегая мимо брата, который как раз собирался подняться; с улыбкой проводив взглядом сестер, уезжающих в экипаже Хаззардов, он вернулся в детскую, где Триши еще баюкала дочь.

– Знаешь, зачем приезжала Сара Энн? – спросил он и в ответ на удивленный взгляд жены добавил: – Хотела купить мое согласие закрыть галерею!

Негодование Триши приняло именно ту форму, которой он ожидал. Крепче обняв малышку, она залилась глубоким воркующим смехом. Льюис вдруг ощутил странное нездоровое желание испытать преданность супруги.

– Предложила удвоить мое содержание, если только я соглашусь снять вывеску.

– Никто не притронется к вывеске! – вспыхнула Триши.

– Никто, кроме меня, – мрачно проронил ее муж.

– Ты?.. – Она обернулась и окинула его тревожным взглядом. – Льюис!..

– О, дорогая! Ведь они правы, это не может длиться вечно... – Он подошел к жене и обнял ее и ребенка. – Ты храбрее целой армии героев, но какой в этом прок? Расходы оказались значительнее, чем я ожидал, и я... я не могу заложить картины. Никто, слышишь, никто не посмеет к ним прикоснуться!

– Я знаю, знаю, – поспешно ответила она. – Именно поэтому приезжала Мэри Аделин.

– Мэри Аделин? – Кровь ударила Льюису в виски. – А она, черт возьми, откуда об этом узнала?

– От мистера Риди, я полагаю. Только не сердись! Твоя сестра – чистый ангел! Она не хочет, чтобы ты закрывал галерею, Льюис! Во всяком случае, пока ты сам веришь в картины. Они с Дональдом Кентом одолжат нам столько, сколько нужно, чтобы продержаться еще год. Вот что она приехала сказать.

Впервые с начала борьбы глаза Льюиса наполнились слезами. О, его верная Мэри Аделин! Он вдруг увидел ее крадущейся по дому в Хай-Пойнт с корзинкой объедков для бедной миссис Эдгар По, умиравшей от чахотки по соседству... Он разразился громким радостным смехом.

– О, моя милая, добрая Мэри Аделин! Как это великодушно с ее стороны – дать нам целый год... – Он прижался мокрой щекой к щеке жены и надолго умолк. – Ну, дорогая, тебе решать, примем ли мы их предложение.

Он отодвинулся на расстояние вытянутой руки и взглянул на нее вопросительно. Слабая улыбка Триши встретилась с его собственной и слилась с нею в единое целое.

– Конечно же, примем!

Глава IX

От семейства Рейси, бывшего столь влиятельным в Нью-Йорке сороковых годов, спустя полвека, во времена моего детства, осталось лишь одно имя. Как и многие другие потомки гордого маленького колониального общества, Рейси исчезли, забытые всеми, кроме нескольких старых леди, одного или двух специалистов по генеалогии да кладбищенского сторожа церкви Святой Троицы, хранившего записи об их могилах.

Конечно, кровь Рейси еще прослеживалась в нескольких близких им семьях: Кенты, Хаззарды, Косби и многие другие с гордостью говорили, что один из их предков подписывал Декларацию независимости, однако к судьбе его потомков они уже не проявляли интереса. Старые ньюйоркцы, так славно жившие, так вольно тратившие деньги, покинув свои обеденные столы и церковные скамьи, развеялись, как горстка пепла.

Мне довелось услышать это имя лишь потому, что его обладательница, единственный уцелевший осколок прежнего величия, была дальней родственницей моей матери. В дни, когда мать полагала, что я буду вести себя хорошо, поскольку назавтра мне обещано что-нибудь особенно приятное, она водила меня к своей тетушке.

Старая мисс Алетия жила в доме, известном мне как «дом дядюшки Эбенезера». Должно быть, в свое время он был великолепным образцом домашней архитектуры; теперь же его считали чудовищным, хоть и достойным уважения пережитком старины. Мисс Рейси, искалеченная ревматизмом, обыкновенно сидела наверху, в огромной холодной комнате, скудную обстановку которой составляли мозаичные столики, палисандровые этажерки да портреты бледных печальных людей в странных одеяниях. Крупная мрачная старуха в черном кружевном чепце была такой глухой, что сама казалась древней реликвией, Розеттским камнем, к которому утерян ключ. Даже для моей матери, воспитанной в обычаях этой исчезнувшей теперь фамилии и смутно понимавшей, кого мисс Рейси имела в виду, говоря о Саре Энн, Мэри Аделин и Дяде Докторе, общение с ней было тягостным и томительным. Мои детские выходки мать чаще поощряла, чем порицала.

Во время одного из таких визитов, вяло блуждая взглядом по комнате, я заметил среди скучных портретов трехцветный пастельный рисунок сидящей на траве темноглазой девочки с высоким лбом в клетчатом платье и расшитых панталончиках. Потянув маму за рукав, я спросил, кто она, и мать ответила:

– А, это бедная маленькая Луиза Рейси, умершая от чахотки. Сколько она прожила, Алетия?

Чтобы донести этот простой вопрос до тетушки, потребовалось десять долгих нелегких минут. Когда мы наконец добились желаемого и мисс Рейси с видом загадочного неудовольствия обронила глубокомысленное «одиннадцать», мама была слишком измотана, чтобы продолжать расспросы. Она повернулась ко мне с одной из потаенных улыбок, понятных лишь нам двоим, и произнесла:

– Бедное дитя должно было унаследовать галерею Рейси.

Мальчишке моего возраста ее слова совершенно ни о чем не говорили, и я тогда не понял скрытого веселья матери.

Эта давнишняя, почти забытая сцена внезапно всплыла в моей памяти в прошлом году, когда в один из нечастых визитов в Нью-Йорк я отправился на ужин к старинному другу, банкиру Джону Селвину, и застыл в изумлении перед камином в его новой библиотеке.

– Ого! – только и смог вымолвить я, глядя на картину над очагом.

Хозяин расправил плечи, сунул руки в карманы и принял вид благопристойной скромности, который в хорошем обществе принято напускать на себя, когда другие восхищаются твоим имуществом.

– Макрино д'Альба? Да-да... единственное, что мне удалось сцапать из коллекции Рейси.

– Единственное? Н-ну...

– О, ты просто не видел Мантенья, и Джотто, и Пьеро делла Франческа... Черт возьми, это была одна из прекраснейших картин Пьеро делла Франческа в мире – девушка в профиль с волосами в жемчужной сетке на фоне аквилегий; она вернулась в Европу – в Национальную галерею, я полагаю. А Карпаччо! Самый изящный маленький святой Георгий... уехал в Калифорнию... боже! – Он сел, тяжело вздохнув, словно голодающий, отвернувшийся от заставленного изысканными блюдами стола, и пробормотал будто бы в утешение самому себе: – Что ж, и эта покупка меня едва не разорила.

Я принялся перебирать в уме воспоминания в поисках ключа к загадочному явлению, названному им «коллекцией Рейси». Говорил мой друг таким тоном, который подразумевал, что упомянутые имена и картины знакомы каждому любителю искусства. И вдруг меня осенило.

– А это, часом, не картины бедной крошки Луизы? – спросил я, припомнив таинственную улыбку матери.

– Какой еще, к дьяволу, крошки Луизы? – Селвин недоуменно взглянул на меня и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Еще год назад они принадлежали той дуре, Нетте Косби... а она об этом даже не подозревала!

Мы уставились друг на друга вопросительно: Селвин был озадачен моей неосведомленностью, я же был поглощен попытками проследить генеалогию Нетты Косби. И преуспел.

– Нетта Косби... ты о Нетте Кент, вышедшей за Джима Косби?

– Ну да. Она дальняя родственница Рейси. Ей и достались картины.

– Ах, Нетта... я ведь мечтал жениться на ней, когда покинул Гарвард, – произнес я задумчиво, обращаясь скорее к самому себе.

– Ну, если бы твои мечты сбылись, ты получил бы в жены полнейшую идиотку. И лучшую в мире коллекцию раннего Возрождения в придачу.

– Лучшую в мире?

– Ты, видимо, еще не видел картин. Как долго ты жил в Японии? Четыре года? Тогда конечно. Нетта обнаружила их только прошлой зимой.

– То есть как – обнаружила?

– Вот так. На чердаке старой Алетии Рейси. Да ты ее помнишь – жила в той жуткой храмине на Десятой улице, когда мы были маленькими. Она ведь была родственницей твоей матери, да? В общем, старая дура прожила почти полвека с картинами ценою в пять миллионов над головой. Кажется, они лежали там с тех самых пор, как умер бедный молодой Рейси, который и собрал эти сокровища в Италии много лет назад. Мне не очень много известно об этой истории; я не особо силен в генеалогии, о Рейси и вовсе не знаю ничего, кроме того, что они состояли в родстве с половиной знатных семей города. А, ну и Рейси-билдинг, полагаю, названо в их честь. Вот только строили его не они.

Собравшись с мыслями, мой друг продолжил:

– Был один юноша... хотел бы я узнать о нем побольше. Все, что известно Нетте (точнее, все, что ее интересует): в молодости, сразу после окончания колледжа, примерно в сороковые годы, он отправился в Италию, где должен был по поручению отца купить несколько полотен Старых мастеров. Вместо этого молодой человек вернулся с потрясающей, совершенно невероятной коллекцией раннего итальянского Возрождения. Подумать только, ведь он был совсем мальчишкой!.. За покупку такого «хлама» старик просто-напросто лишил сына наследства, и оба, этот парень и его жена, в конце концов умерли много лет назад. Кажется, их так безжалостно осмеивали из-за картин, что они переселились в глубинку и жили там затворниками. Говорят, их странные призрачные портреты висели на стенах спальни мисс Алетии. Нетта показала мне один, когда я видел ее в последний раз: простенький рисунок ребенка, худосочной маленькой девочки с высоким лбом. Послушай, может быть, это и есть твоя крошка Луиза?

Я кивнул.

– В клетчатом платье и вышитых панталончиках?

– По-моему, что-то в этом роде. Так или иначе, когда Луиза и ее родители умерли, картины достались мисс Рейси. Старая леди, очевидно, унаследовала их вместе с домом на Десятой улице в те времена, которых мы с тобой не можем помнить. Когда она умерла три или четыре года назад, родственники обнаружили, что она ни разу не поднималась на чердак взглянуть на картины.

– Ну и?

– Ну и она умерла, не оставив завещания, а ближайшей родственницей оказалась Нетта Кент-Косби. Имущество было не бог весть каким (по крайней мере, они так думали), а поскольку Косби всегда нуждались в деньгах, дом на Десятой было решено продать, и картины чуть было не ушли с молотка вместе с прочей обстановкой. Никто не предполагал, что они чего-то стоят, но аукционист предупредил, что если продавать все скопом: и картины, и ковры, и постельные принадлежности, и мебель, – цена существенно упадет. У Косби кое-где были голые стены, и они решили отреставрировать некоторые картины (около тридцати) и оставить себе. «В конце концов, – изрекла Нетта, – насколько я вижу сквозь слои пыли и паутины, они напоминают неплохие копии ранних итальянских вещей». Поскольку денег на мастера у нее не было, она решила привести картины в порядок самостоятельно, и однажды, как раз когда она, засучив рукава, колдовала над тем шедевром, что висит прямо перед тобой, в дверь позвонил тот, кто всегда звонит в таких случаях, – эксперт. В нашей истории им оказался молчаливый молодой человек, связанный с Лувром; он передал ей письмо из Парижа, она же пригласила его на один из своих дурацких званых ужинов. Когда о нем доложили, Нетте показалось забавным предстать перед гостем во всем великолепии своего занятия – у нее красивые руки, ты, должно быть, помнишь... Пройдя в столовую, молодой человек нашел хозяйку склонившейся над картиной с ведром горячей воды и мылом; схватив ее за руку с такой силой, что на ней остались синяки, эксперт возопил: «Господь всемогущий! Только не горячей водой!»

Мой друг откинулся назад со вздохом, в котором негодование смешалось с удовлетворением, и мы умолкли, глядя на великолепное «Поклонение» над камином.

– Вот так я и сумел ее купить. Без значительной части старого лака, зато со скидкой. К счастью для Нетты, это была первая картина, попавшаяся ей под руку. Остальные... у меня нет слов, мой друг, их нужно видеть. Подожди-ка, у меня где-то был каталог...

Он принялся суетливо искать каталог, а я спросил, памятуя, как чуть было не женился на Нетте:

– Хочешь сказать, она не оставила себе ни одной картины?

– Отчего же, оставила. В виде драгоценностей и «Роллс-Ройсов». А их новый дом на Пятой авеню? Чем не жемчужина раннего Возрождения? – закончил он, ухмыляясь. – Самое смешное во всей этой истории, что Джим как раз собирался развестись с Неттой, когда обнаружили эти картины.

– Бедная крошка Луиза, – вздохнул я.

Старая дева (пятидесятые)

Часть I

Глава I

В старом Нью-Йорке пятидесятых бал правили несколько семейств, живших в простоте и достатке. Одним из них было семейство Ролстон.

Крепко сбитые англичане и чуть более тяжелые на подъем румяные голландцы, перемешавшись, создали общество преуспевающих рассудительных мотов. «Делай дело красиво» – был их девиз в благоразумном мире, зиждущемся на состояниях банкиров, торговцев колониальными товарами, кораблестроителей и судовых поставщиков. Эти сытые неповоротливые люди (которые казались европейцам желчными диспептиками лишь потому, что капризы климата избавили их от лишней плоти и туже натянули нервы) жили в благородном болоте, поверхность которого никогда не возмущали глупые драмы, время от времени бушевавшие в глубинах. Чувствительные души в те дни были подобны приглушенным сурдиной клавишам – Судьба играла на них беззвучно.

В этом замкнутом мирке, построенном из плотно подогнанных кирпичиков, Ролстоны и их ответвления занимали самый обширный сектор. Будучи представителями английского среднего класса, они приехали в колонии не умереть за идею, а жить ради материальных благ, даруемых банковским счетом. Результат превзошел ожидания, и успех отразился на их вере. Просвещенная Церковь Англии под умиротворяющим названием «Евангелистская церковь Соединенных Штатов Америки» избавилась от непристойных намеков в обряде венчания, деликатно проигнорировала грозный афанасьевский символ веры, заменила «Отче наш, что на небесах» на более уважительное «Отче наш, который на небесах» и теперь как раз соответствовала духу компромисса, на котором воздвигли себя Ролстоны. Всему роду было присуще безотчетное отвращение к новым религиям, равно как и к людям, не принадлежащим ни к одной из церквей. Формалисты до мозга костей, они являли собой тот консервативный элемент, что скрепляет новые общества, как морские растения – дно океана.

В сравнении с Ролстонами даже такие ретрограды, как Лоуэллы, Хэлси или Вандергрейвы, казались беззаботными, равнодушными к деньгам, почти безрассудными в своих желаниях и решениях. Старый Джон Фредерик Ролстон, почтенный основатель рода, ощутив разницу, подчеркнул ее в разговоре с сыном, Фредериком Джоном, в котором заметил некоторый интерес к неизведанному и не приносящему прибыли:

– Ты позволяешь Лэннингам, Дагонетам и Спендерам играть с огнем, а потом, прикрываясь твоим именем, гасить свои долги. В них бурлит дворянская кровь, у нас с ними ничего общего. Да они же вырождаются! Мужчины, я имею в виду. Как ты не видишь? Если желаешь, можешь позволить сыновьям жениться на ком-то из их девочек, они привлекательны и благонаправны (хотя я бы предпочел им кого-то из Лоуэллов, Вандергрейвов и им подобных семей). Однако не позволяй моим внукам болтаться в компании этих типов по скачкам и игорным домам на юге, в Новом Орлеане и этом чертовом Спрингс. Только так ты защитишь семью от невзгод. Только так!

Фредерик Джон слушал и повиновался; женился на одной из дочерей Хэлси и покорно следовал по стопам отца. Он принадлежал к осмотрительному поколению нью-йоркских

джентльменов, чтивших Гамильтона, служивших Джефферсону и мечтавших спроектировать Нью-Йорк подобно Вашингтону, а в итоге сделавших из него нечто вроде рашпера, чтобы не прослыть снобами в глазах людей, которых они втайне презирали. Лавочники телом и душой, они выставляли в витринах наиболее продаваемый товар, пряча свое личное мнение в кладовой, где за ненадобностью оно постепенно тускнело и ветшало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.